

TARTARIA MAGNA

STUDIA TURKICA MONGOLICA TIBETICA MANCHURICA SIBIRICA RUSSICA ET CETERA

1/2013

Гуманитарная картография

Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе:

Геоинформационный анализ
периода 1917–1923 гг.

Древние и средневековые города Центральной Азии

Предварительные результаты
экспедиционного
исследования

TARTARIA MAGNA

2013-2014
Гуманитарная
КАРТОГРАФИЯ

Studia Turkica Mongolica Tibetica Manchurica Sibirica Russica et cetera

TARTARIA MAGNA

STUDIA TURKICA MONGOLICA TIBETICA MANCHURICA SIBIRICA RUSSICA ET CETERA

I / 2013

MAPS IN ACTION

IMAGES OF SPACE
AND GEOGRAPHIC REALITY

A HUMAN
MAPPING

TARTARIA MAGNA

STUDIA TURKICA MONGOLICA TIBETICA MANCHURICA SIBIRICA RUSSICA ET CETERA

I / 2013

КАРТЫ В ДЕЙСТВИИ

ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА
И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Гуманитарная
картография

TARTARIA MAGNA

Studia Turkica Mongolica Tibetica Manchurica Sibirica Russica et cetera

ББК 63.3(0)
УДК 94(1-11)

Полная электронная версия
журнала доступна на сайте

WWW.TARTARIA-MAGNA.RU

ISSN 2224-9559

© Коллектив авторов, 2013

© ИМБТ СО РАН, 2013

© БУРЯД-МОНГОЛ НОМ, 2013

КОНЦЕПТ TARTARIA MAGNA, никогда не имевший эквивалентов в восточной географии, использовался в европейской науке с эпохи Ренессанса для обозначения обширных, малонаселенных, малоизученных и потому казавшихся враждебными территорий, границы которых были весьма условными. На карте Ортелиуса второй половины XVI века Великая Тартария простирается от низовий Волги и Прикаспия до океана, позднее получившего имя Тихого, ограничиваясь с севера *Oceanus Scythicus* или *Mare Glaciale*, а с юга горами Кавказскими и Китаем. В дальнейшем эти границы расширились и получили некоторую детализацию, включив в себя Московское царство, Среднюю Азию, Тибет и Монголию. Позднее иезуиты считали правильным присовокупить к Тартарии и земли маньчжуров. В глазах европейских хронистов и картографов *Tartaria Magna* никогда не была единым целым, хотя в разное время с ней связывались и империя монголов, и Золотая Орда, и Цинская империя и обширное царство Романовых. И все же *Grand Tartarie* всегда оставалась понятием собирательным. Мы также не склонны видеть в Великой Тартарии четко очерченный географический регион или, вслед за новыми хронологами, конкретное историко-политическое целое. *Tartaria Magna* в имени нашего журнала это скорее исследовательское поле, одновременно дающее представление о нестрогих географических границах изыскательского интереса, совпадающих с формулировкой, появившейся в Британской энциклопедии в 1771 году, и подчеркивающее идею об этом евразийском *хартленде* как о все еще неизвестном и непонятом регионе мира. По мысли создателей, журнал объединит на своих страницах историков, культурологов и антропологов самых разных научных школ и направлений. Журнал выходит на русском языке, и одна из его основных миссий представить русскоязычному читателю результаты изысканий международных исследователей в русских переводах. ✨

TARTARIA MAGNA

STUDIA TURKICA MONGOLICA TIBETICA MANCHURICA SIBIRICA RUSSICA ET CETERA

РЕДАКТОРЫ

А.С. БРЕСЛАВСКИЙ
П.К. ВАРНАВСКИЙ
Н.В. ЦЫРЕМПИЛОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.Д. АМОГОЛОНОВА
В.Ю. БАШКУЕВ
Б.З. НАНЗАТОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Б.В. БАЗАРОВ
член-корреспондент РАН,
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
В.О. БОБРОВНИКОВ
Институт востоковедения РАН
Л.В. КАЛЬМИНА
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
К. КОЛЛМАР-ПАУЛЕНЦ
Бернский университет
А. МОРРИСОН
Назарбаев Университет
И.В. ОКТЯБРЬСКАЯ
Институт археологии
и этнографии СО РАН
Т.Д. СКРЫННИКОВА
Институт восточных
рукописей РАН
К. ХАМФРИ
Кембриджский
университет

EDITORS

ANATOLY BRESLAVSKY
NIKOLAY TSYREMPILOV
PAVEL VARNAVSKY

EDITORIAL BOARD

DARIMA AMOGOLONOVA
VSEVOLOD BASHKUEV
BAIR NANZATOV

EDITORIAL COUNCIL

BORIS BAZAROV
corresponding member of RAS,
Institute of Mongolian, Buddhist and
Tibetan studies of Siberian Branch of RAS
VLADIMIR BOBROVNIKOV
Institute of Oriental studies of RAS
CAROLINE HUMPHREY
Cambridge University
LILIA KALMINA
Institute of Mongolian, Buddhist and
Tibetan studies of Siberian Branch of RAS
KARENINA KOLLMAR-PAULENZ
Bern University
ALEXANDRE MORRISON
Nazarbayev University
IRINA OKTYABRSKAYA
Institute of Archaeology and
Ethnography of Siberian
Branch of RAS
TATYANA SKRYNNIKOVA
Institute of Oriental
Manuscripts of RAS

TARTARIA MAGNA

STUDIA TURKICA MONGOLICA TIBETICA MANCHURICA SIBIRICA RUSSICA ET CETERA

1 / 2013

ТЕМА ВЫПУСКА:

КАРТЫ В ДЕЙСТВИИ. ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА
И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Слово редакции

Исследования

- 12 Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе: геоинформационный анализ периода 1917–1923 гг.
Transcultural spaces and boundary construction in the Baikal region: geoinformation analysis, 1917–1923
ИВАН САБЛИН | IVAN SABLIN

Научные отчеты

- 70 Древние и средневековые города Центральной Азии.
Предварительные результаты экспедиционного исследования
Ancient and medieval cities of Central Asia. Preliminary results of the field research
СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ, АЮДАЙН ОЧИР, НИКОЛАЙ ИМЕНОХОЕВ,
ЛХАГВАСУРЕН ЭРДЭНЭБОЛД, БАИР НАНЗАТОВ, АЛЕКСАНДР
СИМУХИН, НОРОВ УРТНАСАН | SERGEI DANILOV, AIUUDAIN
OCHIR, NIKOLAI IMENOKHOEV, LKHAGVASUREN ERDENEBOLO,
BAIR NANZATOV, ALEKSANDR SIMOUKHIN, NOROV URNASAN

TARTARIA MAGNA

Studia Turkica Mongolica Tibetica Manchurica Sibirica Russica et cetera

I / 2013

THEME OF THE ISSUE:
MAPS IN ACTION. IMAGES OF SPACE
AND GEOGRAPHIC REALITY

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ

Слово
редакции

Новую тематику, которой будут посвящены несколько выпусков *Tartaria Magna*, мы определили как «Гуманитарная картография». В рамках данной темы мы предлагаем читателям подключиться к дискуссиям, затрагивающим вопросы визуальной репрезентируемости географического пространства в гуманитарных науках, взаимосвязанности и сплетенности культурного и географического пространств, образно-знакового моделирования культурно-исторической действительности.

В реальности связь между физическим ландшафтом и человеческим пространственным воображением может быть весьма опосредованной, что позволяет разделять пространство, по Бруно Латуру, на физическое и человеческое. Эмиль Дюркгейм полагал, что пространственные представления людей напрямую связаны с особенностями их социальной организации. Пьер Бурдьё, в свою очередь, еще более жестко постулировал зависимость физического пространства от социальных иерархий и структур: с этих позиций физического пространства не существует как объективной данности, оно есть лишь отражение социальных, политических и властных отношений, связывающих общество. Ролан Барт выделял в особое направление пространственную семиотику, что в итоге привело к возникновению целых направлений, изучающих восприятие и интерпретации пространства и территорий в различных культурах и социальных группах — от мифогеографии и когнитивной географии до исторической геоинформатики. И этими взглядами теория взаимосвязи ментального и пространственного измерений, конечно, отнюдь не исчерпывается.

*A Human Mapping.
Theme of the issue
1/2013: Maps in action.
Images of space and
geographic reality*

«Человеческое» пространство в его длительной диалектической связи с физическим ландшафтом интересует и автора одной из статей, вошедших в первый выпуск *Tartaria Magna* 2013 года. Статья *Ивана Саблина*, представленная в этом выпуске, опирается на пострепрезентативный принцип анализа географических карт, согласно которому карты дают возможность реконструкции исторической реальности в том виде, в котором она существовала в умах самих ее архитекторов. Такой подход берет в учет также многоуровневость карт, т.е. способность их потенциально вмещать в себя множество перспектив. Выбор Саблиным Байкальского региона Восточной Сибири является чрезвычайно удачным, поскольку в 20-е годы прошлого века на его территории возникло множество проектов государственных образований на основе политической, этнической и религиозной идентичностей.

Вторая статья, помещенная в рубрику «Научные отчеты», также связана с общей тематикой ближайших выпусков. В ней излагаются результаты трехлетнего проекта (2010–2012 гг.) по составлению электронной карты городов кочевников Центральной Азии (хунну, уйгуров, киданей, монголов), в котором участвовали ученые Монголии и Республики Бурятия Российской Федерации. В рамках данного проекта было организовано несколько экспедиций, по итогам которых на электронную карту с применением приборов глобального позиционирования были нанесены развалины 89 древних городов. Исследователи указывают, что уже сегодня эта карта позволит ученым провести макроанализ и сделать важные выводы относительно закономерностей возникновения и функционирования кочевых государств. Перед учеными теперь предстает наглядная картина исторической географии этой части мира.

Редакция журнала *Tartaria Magna* приглашает исследователей к сотрудничеству в формировании ближайших номеров и принимает для публикации статьи и очерки, связанные с обозначенной выше тематикой. Напоминаем, что все статьи, принимаемые к публикации в *Tartaria Magna*, проходят процедуру обязательного анонимного рецензирования. ✱

Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность

Иван Саблин

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРАНИЦ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ
АНАЛИЗ ПЕРИОДА
1917–1923 ГГ.

Карта Иркутской
губернии из Настольного
атласа А. Ф. Маркса,
1903 г.

ИВАН САБЛИН

ИССЛЕДОВАНИЯ TARTARIA MAGNA I 2013

TRANSCULTURAL SPACES
AND BOUNDARY CONSTRUCTION
IN THE BAIKAL REGION:
GEOINFORMATION ANALYSIS,
1917–1923

The collapse of the Qing and Russian empires in the early 20th century resulted in economic and political turmoil throughout Eurasia. In the Baikal region, the virtual absence of state provoked numerous attempts of regional and external actors to recreate this institution. Over the six years which passed after the February Revolution of 1917 a number of projects of new political entities and related administrative and national boundaries had been designed and partially implemented in the region. The authors of the projects appealed to ethnic, religious and civilizational identities of heterogeneous population, employed globally circulating ideas of self-determination and social justice, competed and collaborated with each other. The active phase of the power struggle ended with the establishment of the Buryat-Mongolian Autonomous Republic in 1923 and the independent Mongolian People's Republic a year later. For the analysis of the competing projects and those transcultural spaces which they sought to disentangle, a geographic information system was created. Although ethno-national categories became the nominal criterion for the final demarcation of the region into two territories, other identities were also taken into account. Paying much attention to transboundary entanglements, the authors of the ultimate project presented a model of governance for the future post-revolutionary world "without borders".

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА
И КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРАНИЦ
В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ:
ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ
ПЕРИОДА 1917–1923 ГГ.

Иван Саблин

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»; Санкт-
Петербургский
государственный
университет;
Гейдельбергский
университет

Крушение Цинской и Российской империй в начале XX в. привело к экономическому и политическому хаосу на значительной части Евразийского континента. В Байкальском регионе на стыке Сибири и Монголии фактическое отсутствие государства спровоцировало многочисленные попытки местных, региональных и внешних акторов воссоздать этот институт в той или иной форме. Активная фаза борьбы за власть завершилась созданием Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики (БМАССР) в 1923 г. и независимой Монгольской Народной Республики годом позже.

Создание новых республик было призвано не только обеспечить контроль над стратегическим регионом и его многонациональным и поликонфессиональным населением, но и продемонстрировать новую управленческую структуру, которая могла быть распространена на весь земной шар в случае победы мировой революции. Окончательному разделению географического пространства на две территории предшествовал целый ряд альтернативных предложений по проведению новых границ в регионе. За шесть лет, прошедших после Февральской революции, в Байкальском регионе были разработаны и частично реализованы проекты бурятской этнической автономии (1917), монгольской суперэтнической федерации (1919), локальной буддийской теократии (1919), демократической парламентской республики (1920), паназиатского царства (1921), этнически эксклюзивной (1921) и национально-территориальной бурят-монгольских автономных областей (1922).

Состав участников властных отношений, сопутствовавших разработке проектов, был чрезвычайно разнообразен. Синьхайская революция (1911–1912), Первая Мировая война (1914–1918), Февральская и Октябрьская революции (1917), Гражданская война и Вооруженная интервенция (1917–1922) привлекли в регион международных акторов и позволили маргинализированным ранее группам населения существенно повысить свой статус. Важную роль в разработке и реализации проектов, а также и в сопутствующем этому конструировании границ сыграли представители коренной светской интеллигенции и буддийского монашества — групп, занимавших в империи периферийное положение. Помимо российских и китайских акторов активное участие в политическом переустройстве приняли американские, японские, чехословацкие, британские, французские, сербские и венгерские военные, а также политики и дипломаты из самых разных стран.

Авторы проектов разграничения апеллировали к этнической, религиозной и цивилизационной идентичности разнородного населения, обращались к глобально циркулирующим идеям самоопределения и социальной справедливости, соперничали и сотрудничали друг с другом. Сторонники национальных республик учли опыт неудавшихся проектов: хотя авторы советского проекта апеллировали к этническим категориям (бурят-монголы и монголы), религиозные, политические и экономические соображения также сыграли немаловажную роль в создании новых управленческих структур. Более того, многие сторонники и противники предыдущих проектов напрямую участвовали в конструировании обеих республик.

Авторы проектов разграничения апеллировали к этнической, религиозной и цивилизационной идентичности разнородного населения, обращались к глобально циркулирующим идеям самоопределения и социальной справедливости, соперничали и сотрудничали друг с другом.

Несмотря на то, что номинально все проекты разграничивали земную поверхность, они воображались и реализовывались не в географическом пространстве, а во множественных релятивистских пространствах — пространствах формируемых различными отношениями между людьми, местами, институтами и дру-

гими объектами¹ — которые пересекались в Байкальском регионе. В некоторых из этих транскультурных (взаимосвязанных, пересекающихся и неоднозначно интерпретируемых) пространств границы артикулировались в терминах групповых идентичностей (этнической, религиозной, политико-идеологической), а затем проецировались на географическое пространство, где предлагалось очертить обособленные территории. В других — проектируемые границы были призваны обеспечить контроль над путями сообщения и экономическими ресурсами.

Отдельные проекты и приведшие к их созданию отношения за последние годы неоднократно привлекали внимание ученых¹. Пространственные аспекты проектов, однако, остаются малоизученными.

Для анализа конкурирующих проектов и тех пространств, которые они разграничивали, была создана географическая информационная система (ГИС). Использование методов исторической геоинформатики — научного направления и технологии комплексного анализа исторических источников, объединенных в одну геоинформационную систему² — позволило проследить взаимосвязи между транскультурными пространствами и различными проектами.

В настоящей статье пространственные источники не рассматривались в качестве отражения некой историко-географической реальности, т.е. карты и тексты не подразделялись на верные — отражающие и репрезентирующие реальность — и неверные — искажающие ее. В соответствии с пострепрезентативным подходом к картографии любая карта является не столько репрезентацией исторической реальности, сколько ее субъективной интерпретацией, обусловленной целями ее создателей. Кроме того карты конкурируют друг с другом, претендуя на интерпретационную монополию. В отличие от однослойной карты многоуровневые ГИС позволяют отказаться от попыток реконструировать единственно верную «историческую реальность» и дают возможность совместить множественные перспективы и точки зрения (гетерогенные реальности)³ в одной системе, уделив внимание каждой из них.

Геоинформационная методология позволяет также по-новому излагать результаты исследований. Предлагаемый в настоящей статье пространственно-визуальный нарратив позволяет читателю не только внимательно ознакомиться с ГИС, но и сделать собственные выводы о тех или иных корреляциях и взаимосвязях⁴. Формат научной статьи, к сожалению, не позволяет подробно остановиться на отдельных пространствах, интерпретациях и проектах, а потому мы вынуждены ограничиться краткими пояснениями к каждому изображению-срезу ГИС.

¹ Wenzlhuemer 2010; Löw 2001

¹ Андреев 2006; Базаров 2011; Базаров, Жабаева 2008; Базаров 2002; Варнавский, Дырхеева, Скрынникова 2003; Курас 2011; Tsyrempilov 2008; Цыремпилов 2007; Юзефович 2010; Юзефович 1996

² Владимиров 2005; Knowles 2002

³ Latour 2005

⁴ Стоит отметить, что подобная форма изложения в значительной мере обязана своим существованием возможностям цифровой публикации журнала *Tartaria Magna*

Транскультурные
пространства
и конструирование
границ
в Байкальском
регионе

Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность

Рис. 1. Байкальский регион и признанные государственные границы в Азии, 1917 (Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914а; W. & A. K. Johnston 1912; Natural Earth 2012a).

ПРОЕКТЫ РЕКОНФИГУРАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассмотрим сначала существовавшие до 1917 г. государственные и административные границы и варианты их изменения. Выделенный аналитически Байкальский регион включает в себя территорию двух провинций Российской Империи по состоянию на 1917 г. — Иркутской губернии и Забайкальской области (Рис. 1). Регион расположен в северной части Азии на границе между быв-

шими Цинской и Российской империями. Выхода к морю не имеет. Через Байкальский регион проходит Транссибирская железнодорожная магистраль.

После крушения обеих империй границы, представленные на карте (Рис. 1), подверглись пересмотру. Первым по времени постимперским проектом в регионе стала Бурят-монгольская автономия, провозглашенная 25 апреля 1917 г. на первом обще-бурятском съезде в Чите. Авторы проекта, однако, воздержались

Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе

Карты в действии. Образы пространства и географическая реальность

Рис. 2. Монгольское федеративное государство (ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 406, л. 1-2; ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 78; РГАСПИ ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 43; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914b; The Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922a; Natural Earth 2012a).

от установления границ, предоставив это право Всероссийскому учредительному собранию. Вопрос о центре автономии также предполагалось решить позднее. Автономия бурят-монгольского народа не получила поддержки у Временного правительства и региональных властей. Несмотря на то, что проект не был реализован в изначальном варианте, он оказал значительное влияние на окончательное разграничение региона, а потому пространственное оформление аймаков — административных единиц, составляю-

щих автономии — мы рассмотрим ниже, в контексте создания автономных областей и автономной республики в 1921–1923 гг. Несмотря на проблемы признания, в аймаках было создано земское самоуправление, доказавшее свою состоятельность в годы политических и экономических пертурбаций.¹

Проект Бурят-монгольской автономии сыграл важную роль в оформлении второго по времени значимого проекта, подразумевавшего создание независимого Монгольского государства.

¹ Подробнее см. Базаров, Жабаева 2008; Варнавский, Дырхеева, Скрынникова 2003

Объединение Бурятской, Хулунбуирской, Внутренней и Внешней Монголии в одну федерацию было провозглашено 25 февраля 1919 г. на конференции представителей трех из четырех будущих аймаков — субъектов федерации — в Чите. В отличие от проекта автономии, проект независимой объединенной Монголии получил вполне определенное пространственное наполнение (Рис. 2). К территории бурят предлагалось отнести все Забайкалье. Границы Барги (Хулунбуирской Монголии), Внешней и Внутренней Монголии в общих чертах были также определены. В качестве альтернативного, меньшего, варианта предлагалось включить в состав нового государства лишь небольшую южную часть Забайкальской области и исключить Внутреннюю Монголию. Столицей нового государства должен был стать город Хайлар. Созданное на конференции правительство временно расположилось на станции Даурия. На станции Даурия базировались также и вооруженные силы нового правительства — бурятские и монгольские части в составе войск Г.М. Семенова, на тот момент не подчинявшегося А.В. Колчаку. Данные силы планировалось использовать против правительства Богдо-гэгэна IX, которое не пожелало принять участие в проекте и сделать Внешнюю Монголию, на тот момент автономную в составе Китайской Республики, частью нового федеративного государства.¹

Войска Даурского правительства формировались путем приема добровольцев и призыва среди бурятского населения. Противники участия бурят в вооруженных конфликтах сплотились вокруг фигуры влиятельного ламы Лубсана Самдана Цыденова. В целях защиты своих сторонников от призыва, а также в качестве альтернативы бурятской автономии и монгольской федерации, Цыденов провозгласил создание независимого теократического государства — Самовольно отделившегося государства Кудунской долины. Пространственное оформление проект получил на учредительном съезде, состоявшемся в апреле 1919 г. недалеко от места затворничества Цыденова — урочища Суархэ (Соорхой). В состав нового государства, примерные очертания которого представлены на карте (Рис. 3), вошли территории нескольких бурятских сообществ, получивших названия балагатов. Новое государство основывалось на идеях ненасилия и отказалось от формирования вооруженных сил. Отсутствие армии не позволило его сторонникам защитить проект. Уже в мае 1919 г. по инициативе Семенова и Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири, органа бурятского национального самоуправления, Цыденов и правительство нового государства были арестованы.²

Впрочем, сторонники Монгольского федеративного государства тоже не смогли защитить свой собственный проект. Поход во Внешнюю Монголию в 1919 г. не состоялся. В конце того же года ее автономия была упразднена, а территория была занята китай-

¹ Подробнее см. Курас 2011; Базаров 2002; Юзефович 1996

² Подробнее см. Тсугетпилгов 2008; Цыремпилов 2007

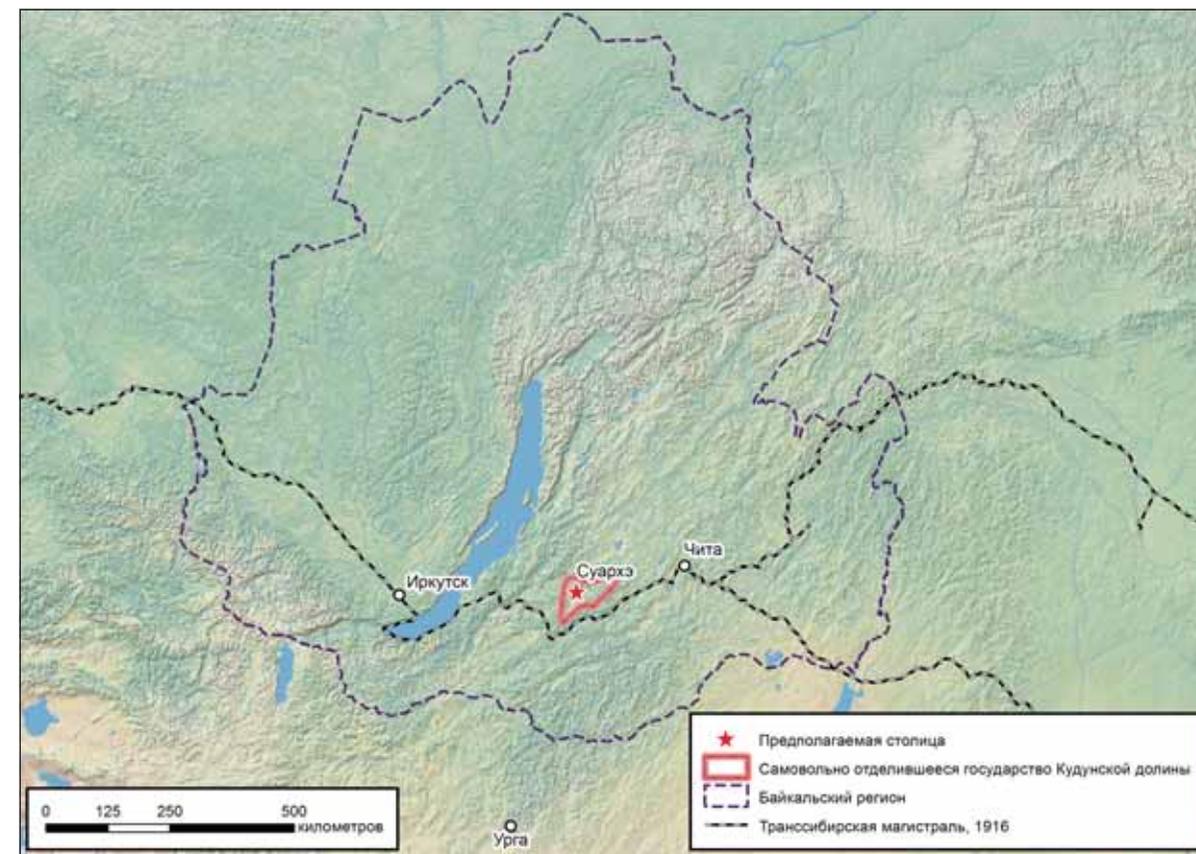

Рис. 3. Самовольно отделившееся государство Кудунской долины (Базаров, Жабаева 2008; Дандарон 2006; Natural Earth 2012b).

скими войсками. Противоречия между различными сторонниками федерации привели к полному провалу проекта в 1920 г. Даурское правительство прекратило свое существование, а его лидеры были убиты. В ходе конфликта между Семеновым и членами Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири последняя объявила о самороспуске. В том же году на территории Байкальского региона было создано новое формально независимое государство — Дальневосточная Республика с центром сначала в Верхнеудинске, а затем в Чите.¹

Часть войск бывшего Даурского правительства все же оказалась на территории Внешней Монголии в составе отступившей туда в конце 1920 г. Азиатской конной дивизии под командованием Р.Ф. Унгерн-Штернберга. В начале 1921 г. войскам Унгерна удалось взять Ургу и вытеснить китайцев из большей части Внешней Монголии. Под защитой Унгерна правительство Богдо-гэгэна вновь стало во главе автономной Монголии. Сам Унгерн получил княжеский титул и широкие полномочия в военной сфере. Фактически Внешняя Монголия была под контролем его войск. Освобождение Монголии не было окончательной целью Унгерна. В письмах различным монгольским, китайским, российским, казахским

¹ Подробнее см. Базаров 2011; Базаров 2002

Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе

Карты в действии. Образы пространства и географическая реальность

Рис. 4. Срединное монгольское царство (Юзефович 2010; GADM 2012; The Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922a; Natural Earth 2012a).

и другим деятелям, а также в разговорах со своими сторонниками Унгерн описал детали проекта создания федерации азиатских народов — Срединного монгольского царства. Новое государство (Рис. 4) должно было включить огромные пространства Восточной и Центральной Азии от Тихого океана до Каспийского моря. Основным претендентом на престол была Маньчжурская династия, реставрация которой была провозглашена Унгерном в качестве одной из важнейших задач. Новое государство должно было сплю-

щить народы Азии перед лицом крайне негативного влияния Европы, апогеем которого для Унгерна стали социалистические идеи.¹

Распространение социалистических идей в Азии, однако, активно поддерживалось не только европейскими, но и азиатскими деятелями. Так, Элбек-Доржи Ринчино, принимавший активное участие в автономном и федералистском проектах, и Цыбен Жамцарано, другой сторонник автономии, приняли решение о сближении с большевиками. Уже весной 1920 г. они принимали активное

¹ Подробнее см. Юзефович 2010; Кузьмин 2004

участие в разработке как бурятской автономии в рамках Советской России, так и в подготовке революции во Внешней Монголии и создания независимого монгольского государства. В октябре 1920 г. высшим партийным руководством оба проекта были объединены воедино: создание автономии для монгольских народов внутри страны должно было обеспечить советское влияние на зарубежную Монголию и Тибет, а впоследствии на весь Китай, Корею и, возможно, Японию. Подготовкой революций в Восточной Азии руководил созданный в начале 1921 г. Восточный секретариат Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. Результаты деятельности организации не заставили себя долго ждать: в 1921 г. к власти во Внешней Монголии пришли представители Монгольской народной партии, оформившейся в марте того же года в Троицкосавске. Монголия стала фактически независимым государством. В том же году независимая народная республика Танну-Тува была провозглашена в Урянхайском крае. Данное событие, однако, расходилось с основной линией Коминтерна в регионе — территорию края планировалось включить в состав монгольского государства.¹

План создания автономий для монгольских народов бывшей Российской империи начал реализовываться в апреле 1921 г., когда на территории двр была создана Бурят-Монгольская автономная область (БМАО)². В конце 1921 г. создание автономной области провозгласили участники съезда бурятского населения в западной части Байкальского региона (на территории РСФСР). В январе 1922 г. Автономная Монголо-Бурятская область (АМБО) была учреждена постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета. В конце того же года двр вошла в состав РСФСР. В мае 1923 г., несмотря на оппозицию в центральных и региональных партийных кругах, две области были объединены в БМАССР. После смерти Богдо-гэгэна в 1924 г. народная республика была провозглашена в Монголии, оказавшейся единственным успешным проектом экспорта революции за пределы бывшей Российской империи до начала Второй мировой войны³. Создание к 1924 г. двух формально независимых государств, поддерживающих тесные отношения с Советским Союзом и Коминтерном, и автономной республики в пределах СССР (Рис. 5) ознаменовали успешное воплощение советского проекта.

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Обратимся теперь к тем пространствам, которые перечисленные выше проекты разграничивали. Разграничение физико-географического пространства (Рис. 6) — совокупности природных объ-

¹ Подробнее см. Базаров, Жабеева 2008; Моллеров 2005

² В более поздних документах и в научной литературе новое образование чаще всего именуется Бурят-Монгольской автономной областью РСФСР. Приведение названия в соответствие с наименованием БМАО ДВР было призвано показать схожесть двух автономных областей. Данные образования, однако, не были явлениями одного порядка. С целью сохранения различий на семантическом уровне в тексте используется наименование по основному документу и соответствующая аббревиатура

³ Подробнее см. Базаров 2011; Базаров, Жабеева 2008

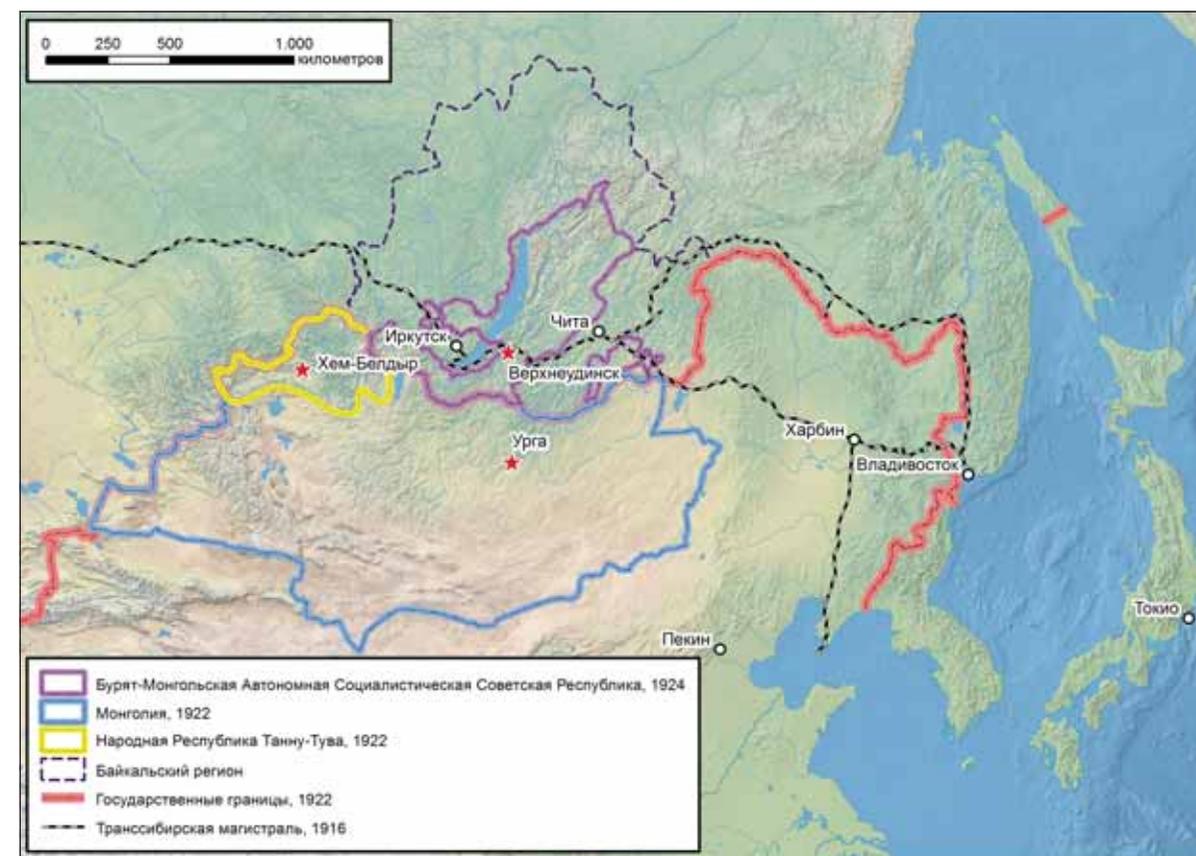

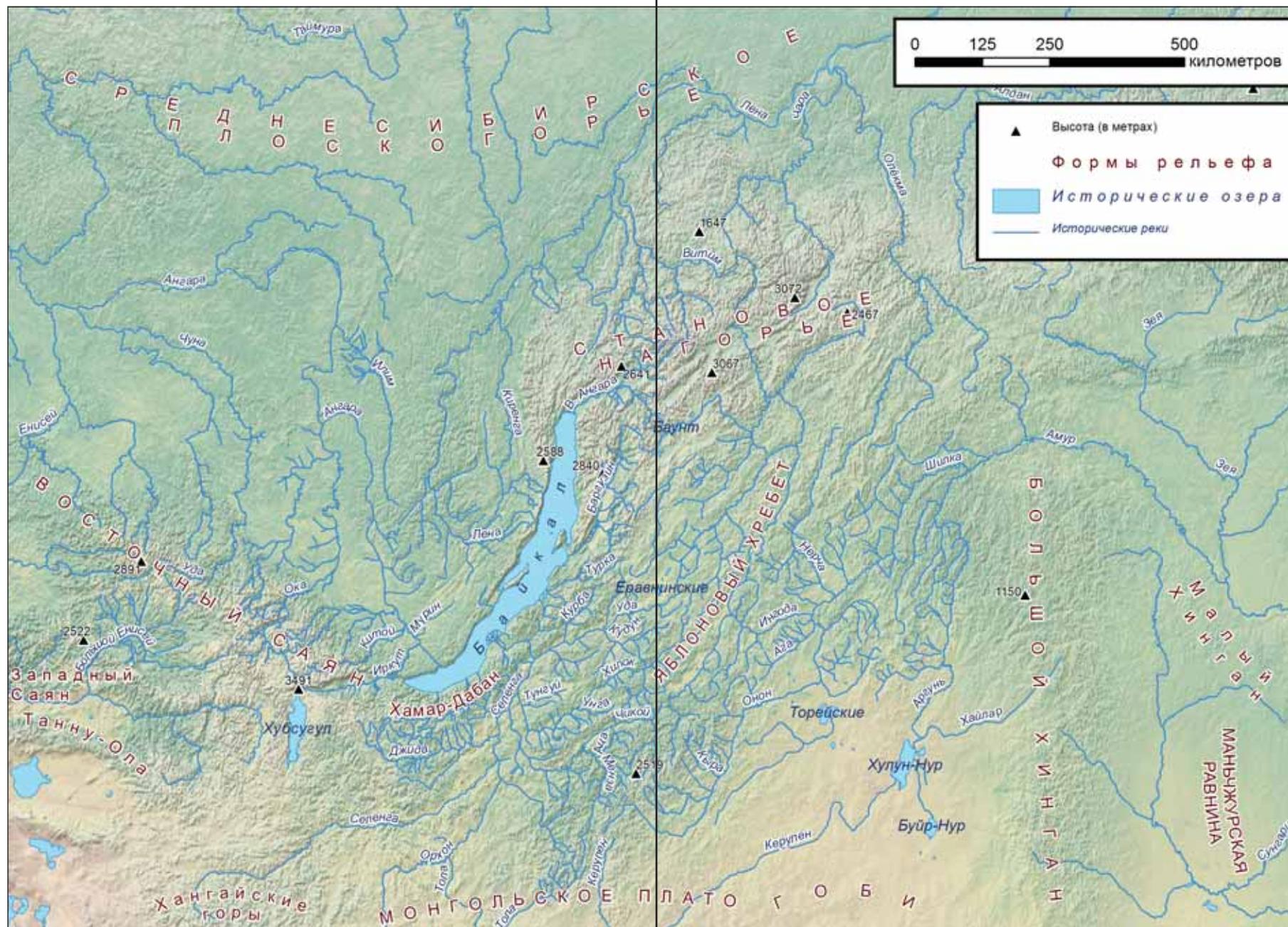
Рис. 5. Бурят-Монгольская республика, Монголия и Танну-Тува (Бурнаркомзем 1924; The Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922b; The Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922a; Natural Earth 2012a).

ектов, объединенных расстояниями между ними — не являлось самоцелью указанных выше проектов. Важной задачей, однако, было изменение государственных и административных границ, которые на это пространство проецировались (Рис. 7). Как физико-географическое, так и политико-административное пространства являются социально конструируемыми. Интерпретируя географические объекты, люди могут не соглашаться не только по поводу границ тех или иных форм рельефа, мест начала рек, но и классификации непрерывного мира природы на озера, реки, горные системы и т.д. вообще. Процесс классификации является ключевым в познавательной деятельности человека¹, что, однако, не объективизирует его.

Другой важной частью интерпретации окружающей действительности является присваивание имен тем или иным объектам, выделенным аналитически из континуальной реальности. Байкальский регион в этом смысле представляет собой чрезвычайно яркий пример: названия природных объектов, признаваемые сегодня большинством, берут начало в самых разнообразных топонимических традициях и языках — тунгусо-маньчжурских, тюркских,

¹ Adolphs 2003

Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе

Карты в действии. Образы пространства и географическая реальность

Рис. 6. Физико-географическое пространство Байкальского региона (Natural Earth 2012c; Natural Earth 2012b; Бурнаркомзем 1924; [Переселенческое управление], Картографическое заведение Г. Де-Кельш 1914; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914b; Хабаров 2008).

славянских и др. Важнейшей функцией практики присваивания имен является включение природных объектов в систему знаний той или иной группы, что делает ее важным аспектом властных отношений между человеком и природой, а также между группами людей: доминантная группа присваивает объектам собственные названия или искажает существующие. В Байкальском регионе объекты многократно переименовывались вместе с реконфигурацией властных отношений.¹

¹ Подробнее см. Шулунова 2007

Следующим этапом в институционализации доминирования той или иной группы является разделение непрерывного мира на дискретные территории, в пределах которых одни акторы стремятся осуществлять контроль над деятельностью и взаимодействиями других.¹ Байкальский регион в начале хх в. делился на две провинции и тринадцать уездов, а также находился на границе с другим государством (Рис. 7). На примере Байкальского региона можно проследить относительность расстояния в разных пространствах.

¹ Fall 2002

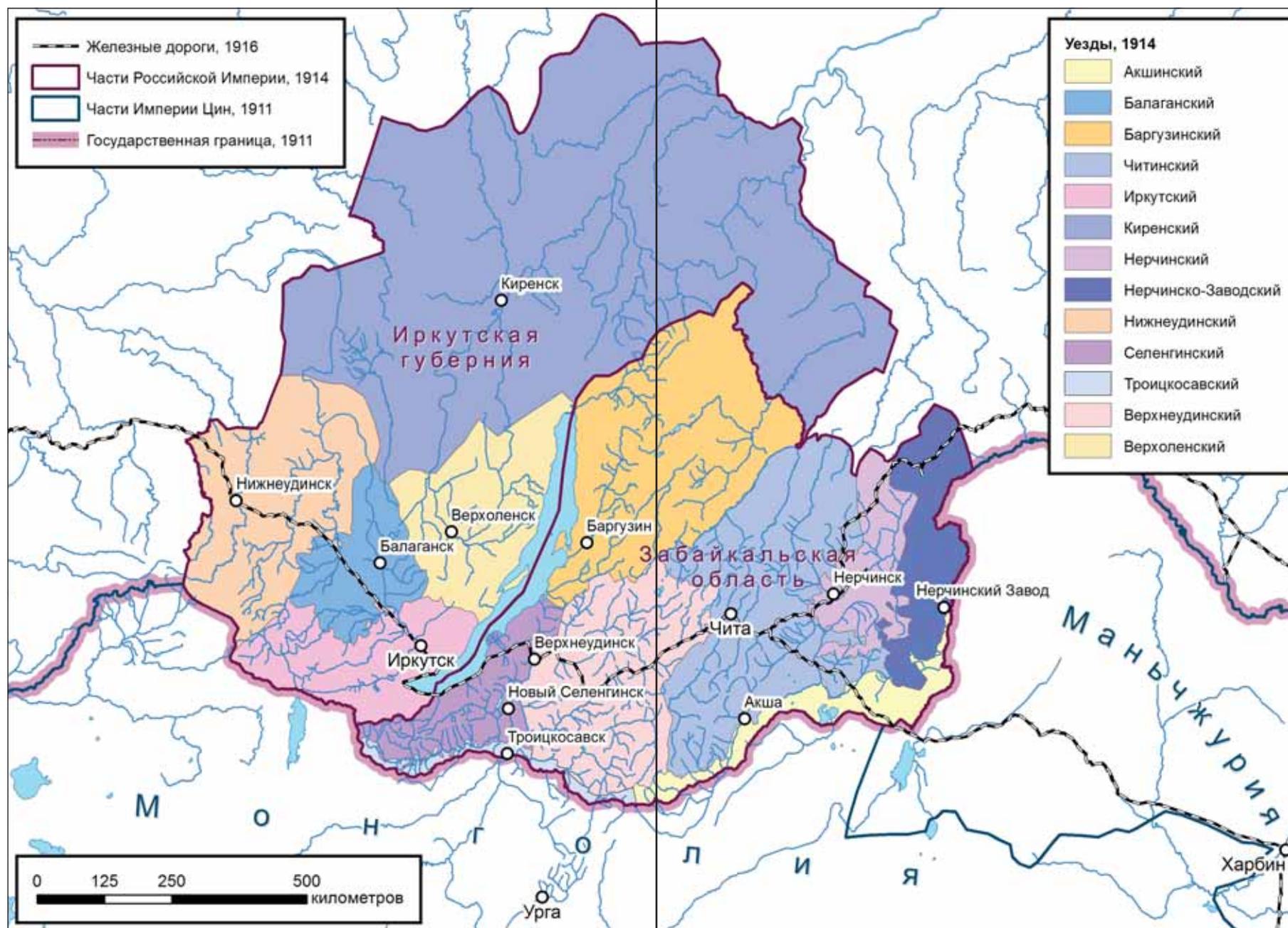

Рис. 7. Политико-административное пространство Байкальского региона (W. & A.K. Johnston 1912; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914с; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914b; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914a; Natural Earth 2012c).

Так в физико-географическом пространстве, в масштабах всей планеты, Троицкосавск располагается недалеко от Урги. Отсутствие разрешения на пересечение границы у того или иного лица, однако, могли сделать его бесконечно далеким в политико-административном пространстве. Похожим образом Троицкосавск был значительно ближе к некоторым населенным пунктам Верхнеудинского и Селенгинского уездов, чем к частям подконтрольной ему административной территории.

Географическая удаленность и политико-административные преграды являются не единственными факторами, определяющими расстояния между различными населенными пунктами в смысле возможности и скорости передачи информации или материальных объектов, а также путешествия между ними. К началу XX в. развитие скоростных коммуникаций, в первую очередь железных дорог и телеграфа¹, изменило представление людей о расстоянии. Информация из Троицкосавска в Петроград могла быть передана

¹ Wenzlhuemer 2012

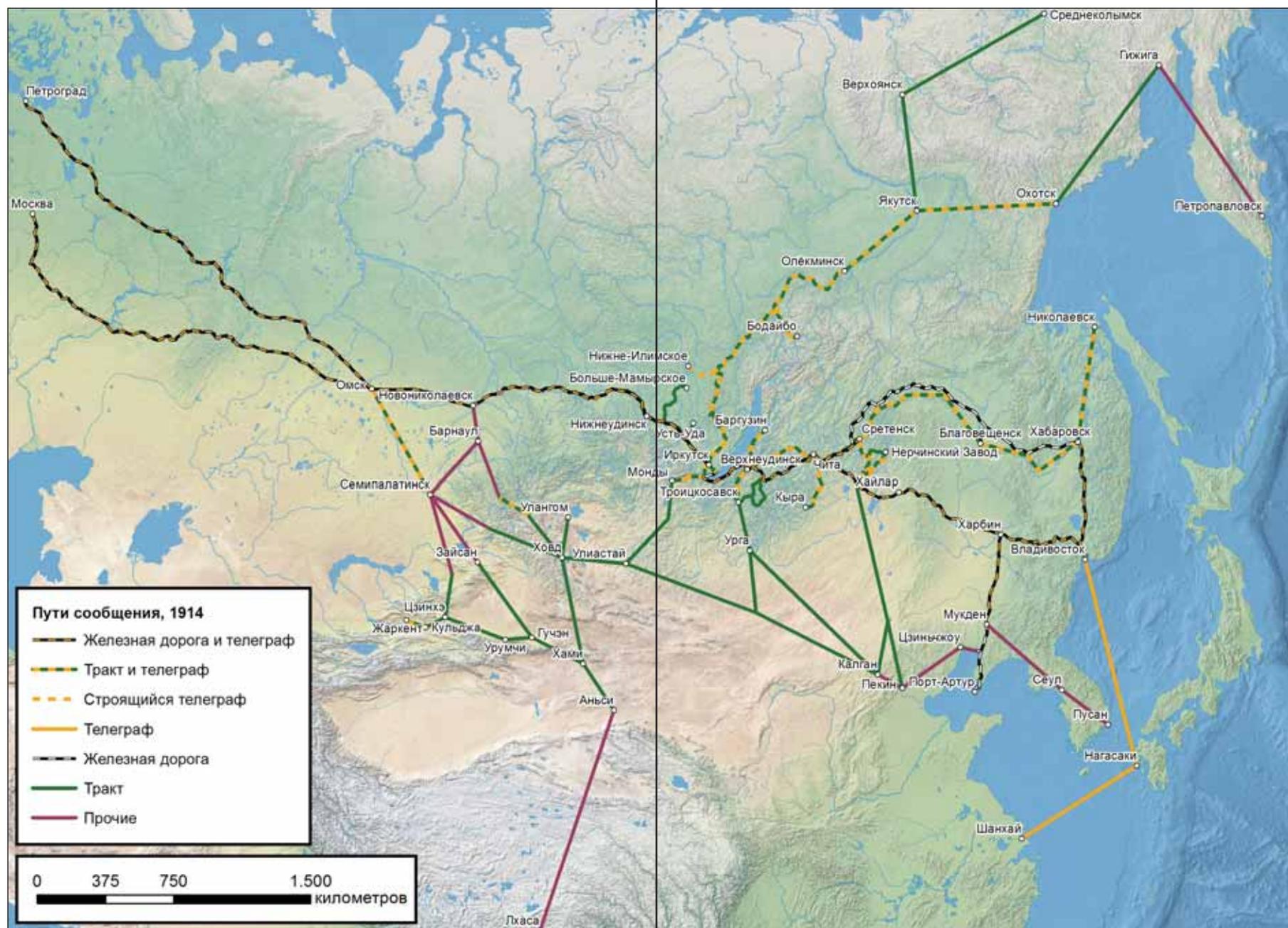

Рис. 8. Байкальский регион в коммуникационном пространстве Северной Азии (Главное управление почт и телеграфов, Товарищество Р. Голике и А. Вильборг 1914; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914d; Иркутский губернский статистический комитет 1916; Забайкальский областной статистический комитет 1914; Морев 2010; Natural Earth 2012a).

почти мгновенно ввиду наличия телеграфного соединения между двумя городами (Рис. 8), тогда как для сообщения с Ургой требовалось, как правило, несколько дней, а то и недель. Железные дороги позволили снизить не только время доставки грузов и пассажиров, но и затраты.

Топологии коммуникационных пространств Азиатской России (Рис. 8) и Байкальского региона (Рис. 9) имели огромное значение для политических и экономических измерений Российской Империи, как управленческой структуры. Построенная в конце XIX —

начале XX вв. Транссибирская магистраль стала важнейшим инструментом политического и экономического влияния России в Сибири, Монголии, Маньчжурии и других регионах Северной, Центральной и Восточной Азии. Экспансия Российской Империи, обеспеченная коммуникационными ресурсами, стала также основной причиной ее столкновения с растущей Японской Империей.¹

Контроль Российской Империи в указанных регионах не был однородным на всем протяжении физико-географического или политико-административного пространств и фактически осу-

¹ Marks 1991

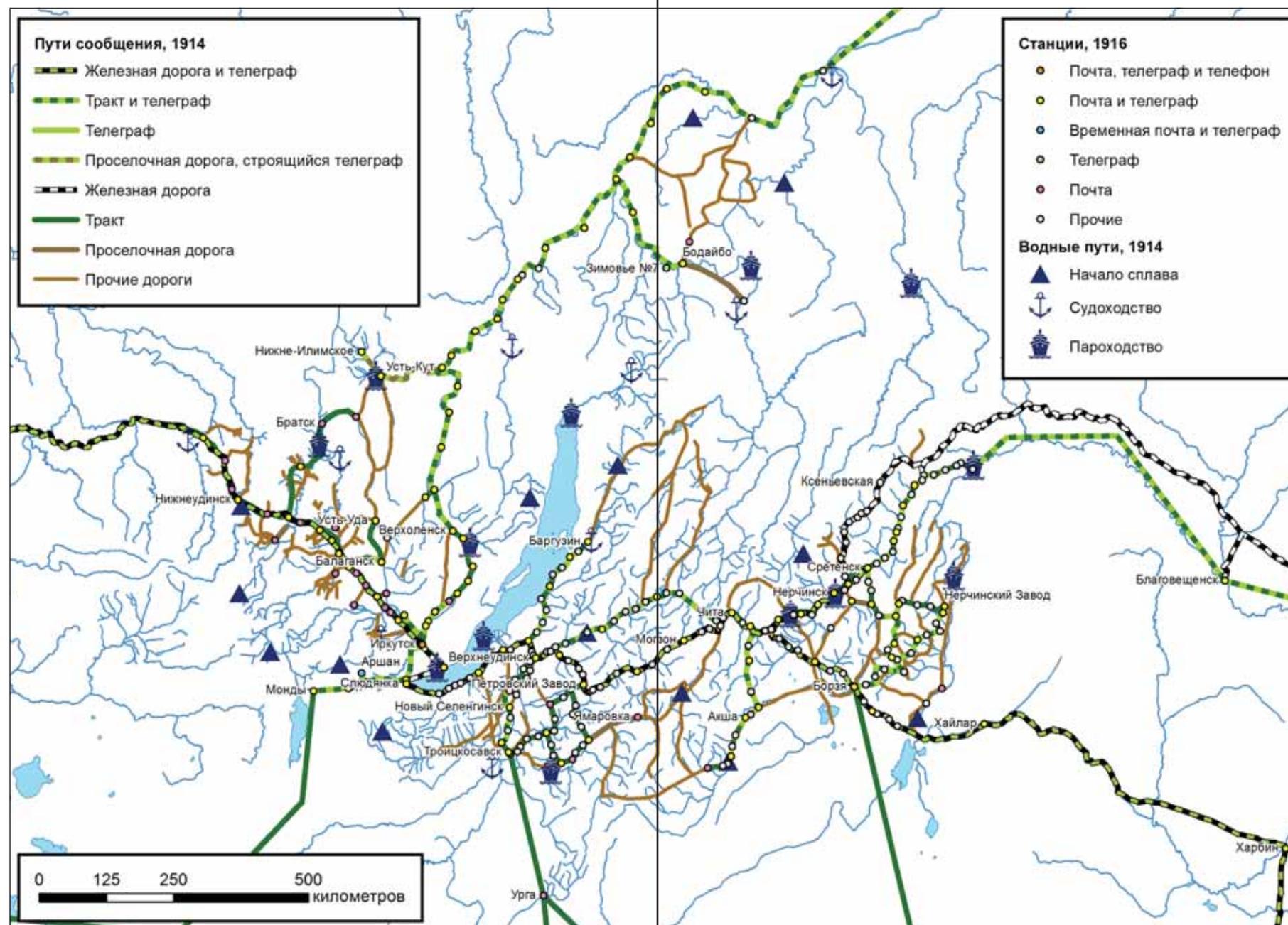

Рис. 9. Коммуникационное пространство Байкальского региона (Главное управление почт и телеграфов, Товарищество Р. Голике и А. Вильборг 1914; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914d; Иркутский губернский статистический комитет 1916; Забайкальский областной статистический комитет 1914; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914c; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914b; Natural Earth 2012c).

ществлялся вдоль путей сообщения — рек, трактовых, железных и прочих дорог. Кроме того, коммуникационные пространства прерываются во времени и существенно зависят от инфраструктуры: поезда движутся по расписанию, разрыв в железнодорожном полотне или телеграфной линии делает коммуникацию невозможной, для пользования железной дорогой или телеграфом требуются деньги. Ввиду зависимости империи от линий коммуникации и уязвимости последних Байкальский регион приобретал особое

политическое и экономическое значение. Кругобайкальская железная дорога была единственным путем быстрого сообщения между районами к востоку и западу от озера Байкал, а потому имела стратегическое значение.

Авторы проекта Монгольского федеративного государства уделяли много внимания коммуникационному пространству Байкальского региона и Евразии вообще. Контроль над железнодорожными путями должен был стать основным фактором привле-

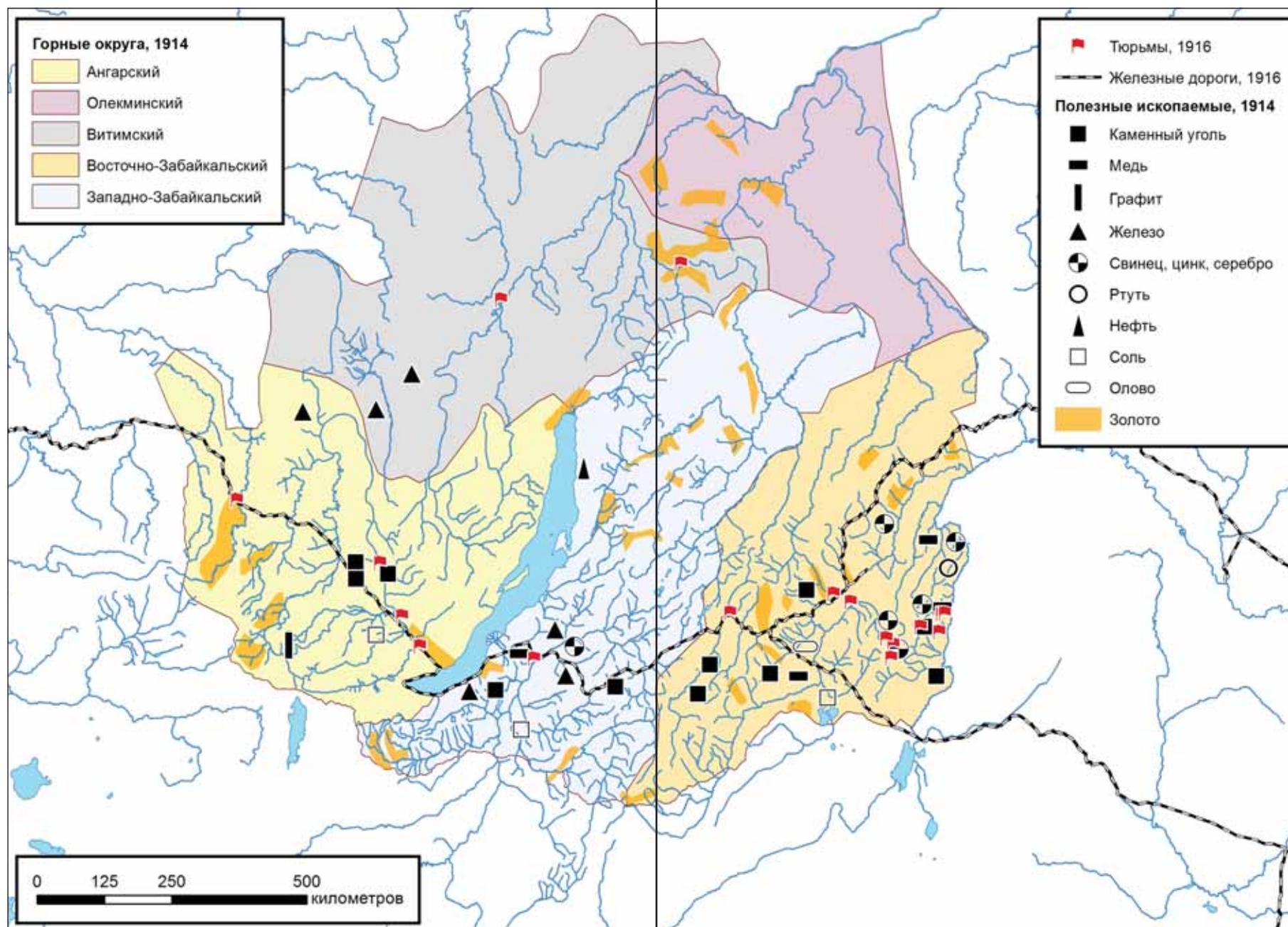

Рис. 10. Полезные ископаемые и тюрьмы в Байкальском регионе (Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914е; Иркутский губернский статистический комитет 1916; Забайкальский областной статистический комитет 1914; Natural Earth 2012с).

чения иностранной, в первую очередь японской и американской, поддержки новому государству, столицей которого именно поэтому и планировалось сделать Хайлар, расположенный на Китайско-Восточной железной дороге.

Пути сообщения Байкальского региона были привлекательны для участников властных отношений не только с военно-стратегической точки зрения. Топология коммуникационного пространства играла важную роль в доступности тех или иных природных ресурсов. Как видно на карте (Рис. 10), минеральные богатства

Байкальского региона были разведаны в основном вдоль основных транспортных путей — рек и железной дороги. Пространство полезных ископаемых, включающее в себя не только сами минеральные ресурсы, но и их интерпретацию, классификацию, разведку, добычу и использование, вызвало значительный международный интерес и стало одной из причин военной интервенции сил Антанты. Также богатство Байкальского региона оказало значительное влияние на разработчиков проекта монгольской федерации. Его авторы неслучайно стремились включить в пределы государства

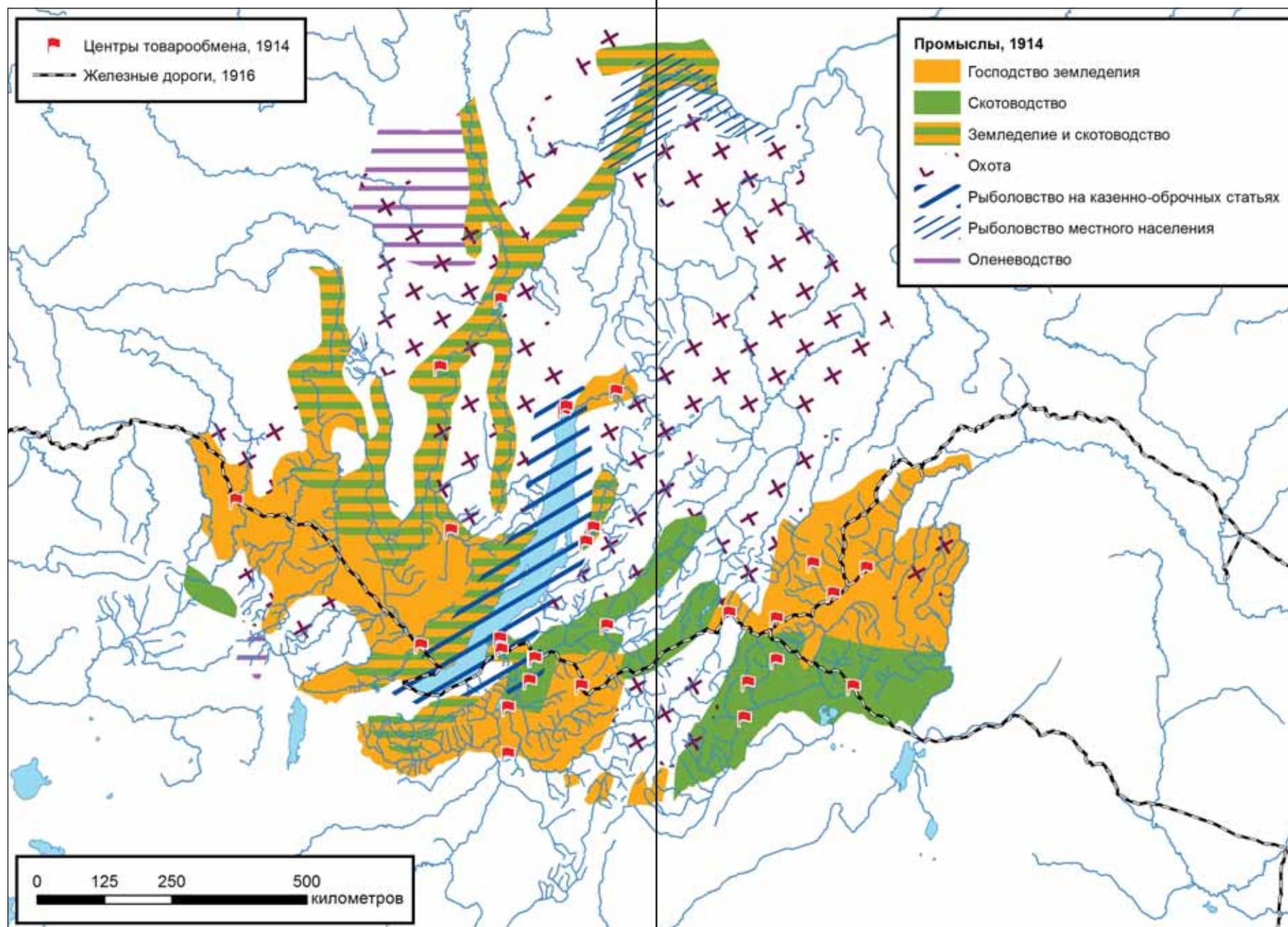

Рис. 11. Промыслы и центры товарообмена в Байкальском регионе (Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914; Арсеньев, Петрушевский 1893; Арсеньев, Петрушевский 1895; Лейкина 2004; Протасова 2010; Шперк 1894; Швец 2002; Забайкальский областной статистический комитет 1914).

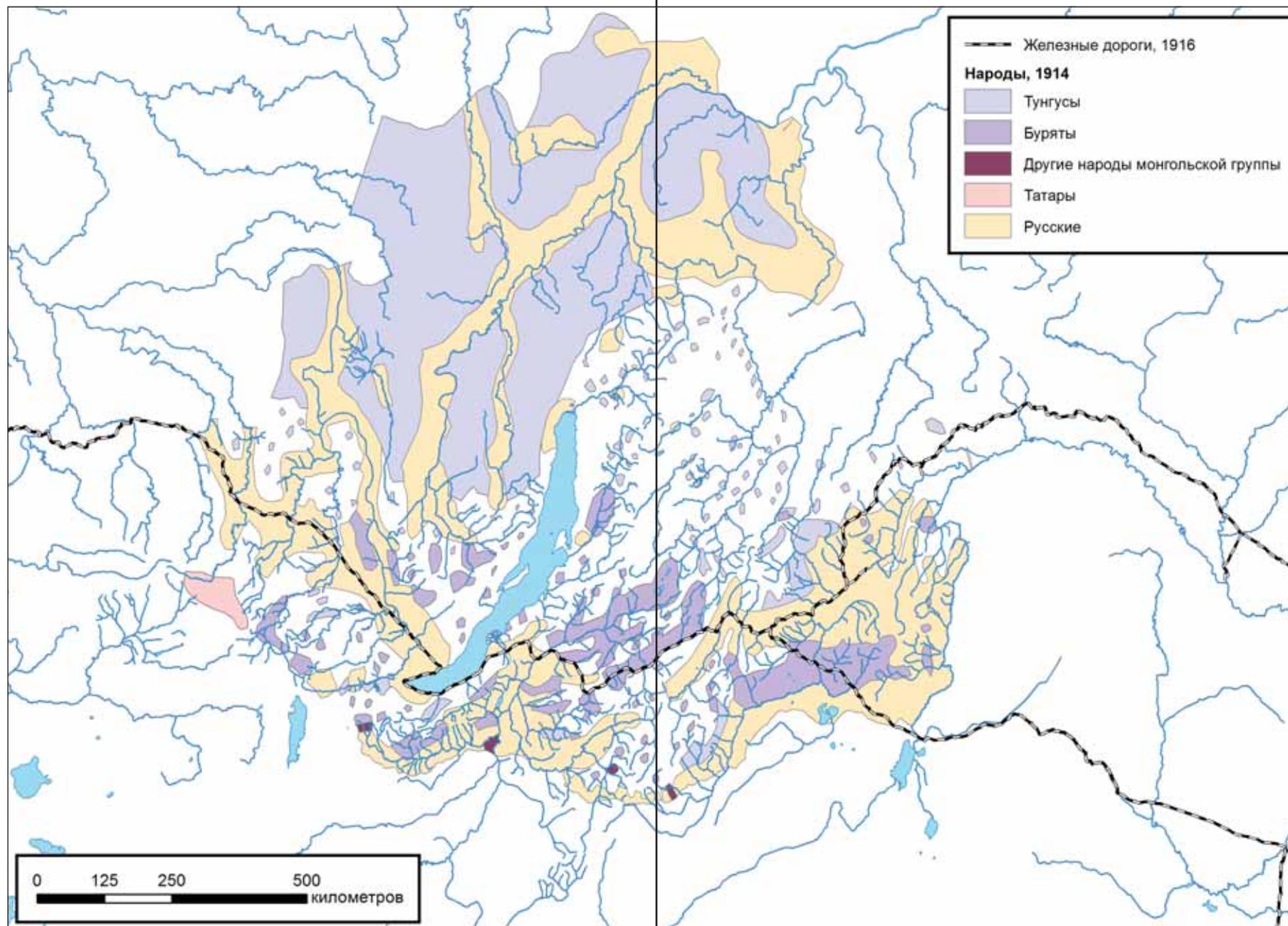
всю Забайкальскую область, богатую полезными ископаемыми. Высокая ресурсная обеспеченность региона была значимым фактором привлечения иностранной помощи. Важную роль это пространство играло и в развитии Бурят-монгольской автономии: органами бурятского самоуправления был создан горный департамент, который должен был осуществлять управление минеральными ресурсами будущей автономии.¹

Пространство полезных ископаемых оказывало существенное влияние не только на экономические и внешнеполитические от-

ношения, но и на общественную жизнь внутри империи и региона. Добыча полезных ископаемых осуществлялась не только наемными рабочими, но и заключенными, многие из которых были осуждены за политическую деятельность. В этом смысле тюрьмы региона (Рис. 10), особенно в районе Нерчинской каторги, превратились в своеобразные трансляторы европейских политических идей — национализма через ссыльных поляков и социализма через осужденных членов социалистических партий и кружков.

¹ ГАРБ ф. 305, оп. 1, д. 17, л. 3

Транскультурные
пространства
и конструирование
границ
в Байкальском
регионе

Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность

Рис. 12. Этническое пространство Байкальского региона, 1914 (Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914г).

Несмотря на свое чрезвычайное экономическое и политическое значение, добыча полезных ископаемых не была основным видом деятельности в регионе. Большинство населения занималось сельским хозяйством, охотой и рыболовством (Рис. 11). Пространство промыслов играло важную роль в экономическом развитии Российской Империи. Сельское хозяйство, как земледелие, так и скотоводство, обеспечивало питание население городов, а, следовательно, создавало базу для промышленного развития стра-

ны. Охота имела существенное внешнеэкономическое значение: экспорт пушнины оставался существенной статьёй доходов государства вплоть до 1920-х гг.¹ Центры, в которых местное население обменивалось результатами труда, были также важными местами общения между представителями разных групп.

Разделение населения на две основные профессиональные группы, скотоводов и земледельцев, и соответствующие бытовые группы, кочевую и оседлую, обсуждалось авторами всех проектов.

¹ Forsyth 1992, 38, 247

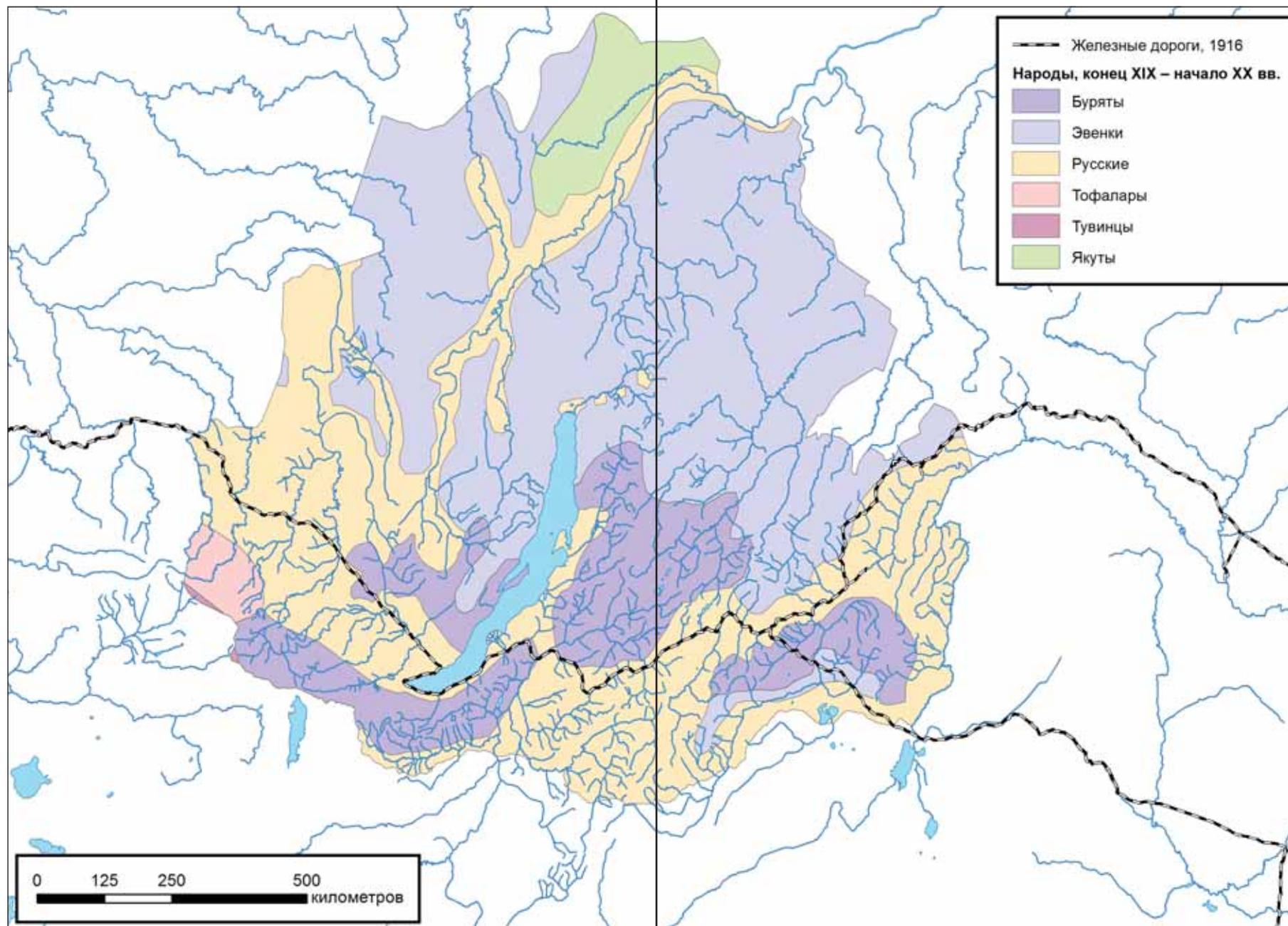

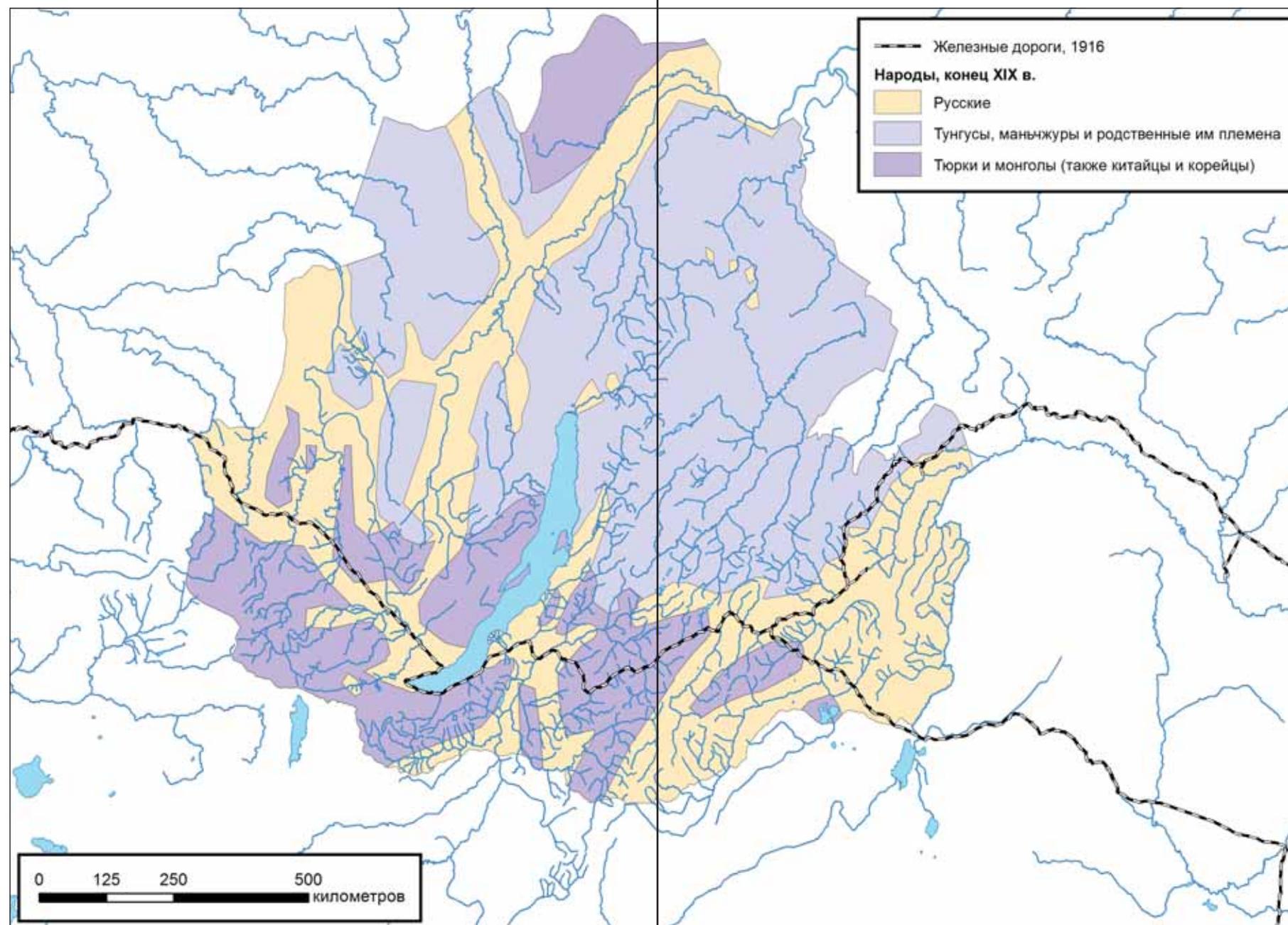
Рис. 13. Этническое пространство Байкальского региона, конец XIX в. – начало XX вв. (Брук 1961).

Сторонники автономии подчеркивали экономические интересы бурят-скотоводов. Унгерн стремился объединить в первую очередь кочевые народы Азии. Многие участники властных отношений в регионе делали профессиональную идентичность частью идентичности этнической. Сравнение (Рис. 11–14), однако, показывает, что экономические и этнические пространства не совпадали. Более того, источники существенно расходятся в интерпретации последних.

Культурное и лингвистическое многообразие региона, длительные межгрупповые и трансгрупповые контакты, обмены и заимствования¹, вместе с технической невозможностью точного изображения на двухмерной карте динамичного во времени и пространстве населения, не позволяют проводить однозначные границы между этническими группами. Кроме того, авторы картографических источников руководствовались различными сообра-

¹ Бураева 2005

Транскультурные
пространства
и конструирование
границ
в Байкальском
регионе

Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность

Рис. 14. Этническое пространство Байкальского региона, конец XIX в. (Картографическое заведение А. Ильина 1899).

жениями при их составлении. Карта, изданная Переселенческим управлением (Рис. 12), была призвана стимулировать переселение из Европейской России в регион. В соответствии с этой задачей значительные территории на карте обозначены как незанятые. Карта, составленная советскими этнографами (Рис. 13), должна была показать относительную гомогенность различных групп населения и свидетельствовать в пользу проведенных впоследствии этно-территориальных границ. Авторы карты, опубликованной

в общей энциклопедии (Рис. 14), стремились дать читателям общее представление об этнокультурном разнообразии Российской Империи. Также последняя карта отражала асимметричные отношения между титульной нацией империи и подчиненными народами, объединенными в крупные группы.

Несмотря на всю противоречивость этнического пространства Байкальского региона, разграничение именно в нем постулировалось авторами всех проектов в качестве основания для про-

¹ Anderson 1991

ведения новых границ. Несомненно, важную роль здесь сыграли глобально циркулируемые идеи национализма и этнографические знания, обернувшиеся многочисленными попытками объективизации этнических и расовых классификаций и проецирования воображаемых границ между этнокультурными общностями на политические и административные пространства¹. Сторонники Бурят-монгольской автономии стремились к этнической однородности объединения бурят. Авторы федеративного проекта и монгольского царства — к единению монгольского суперэтноса и народов «монгольского корня» соответственно. Группы, к которым апеллировали авторы проектов, были достаточно неоднородными внутренне. Бурятский народ состоял из различных региональных групп — крупных (иркутские и забайкальские) и мелких (хоринские, агинские, ольхонские и т.д.) — интересы которых не всегда совпадали. Большое значение имела принадлежность к тому или иному роду. Еще более гетерогенной была суперэтническая монгольская общность. «Народы монгольского корня» вообще разговаривали на языках, принадлежащих к разным группам, и не были объединены в одно государство со времен Империи Чингисхана.

Столь пристальное внимание к этническому пространству обусловливается, с одной стороны, легкостью его использования для объяснения границ в других пространствах, прежде всего, экономических, и для легитимации новых политических элит, а с другой — наличием реального неравенства между закрепленными в законодательном порядке воображаемыми асимметриями между этническими группами. Деление населения на этно-сословные группировки определяло топологию пространства землепользования (Рис. 15), а, следовательно, и доступность для тех или иных групп земельных ресурсов. Ситуация осложнялась тем, что сословные группы не были этнически однородными: так, к казакам относились не только русские, но и буряты и эвенки.

Сторонники Бурят-монгольской автономии стремились к административному обособлению именно в пространстве землепользования. Главной целью новой границы должно было стать обеспечение экономических интересов бурятского населения, как земледельческого, так и скотоводческого. Как видно из топологии пространства землепользования Байкальского региона (Рис. 15), к началу XX в. оно характеризовалось чрезвычайной чересполосицей между различными сословными группами. Более того, территории для расселения вновь прибывших из Европейской России мигрантов — переселенческие участки — зачастую отрезались от земель, которыми буряты пользовались и которые считали своими. В целях обеспечения этнической однородности сторонники бурятской автономии готовы были к переселениям отдельных местных групп и территориальным уступкам.

Авторы федеративного проекта для обеспечения территориальной однородности будущей монгольской нации планировали массовые переселения монголов, русских и китайцев. Так, русское население предлагалось переселить из Забайкалья в Иркутскую губернию, а бурят из Иркутской губернии — в Забайкалье. В качестве альтернативного варианта буряты должны были переселиться на юг Забайкалья и в Урянхайский край. Китайцы переселялись из северной Монголии в южную также с обменом земель¹. Практическая неосуществимость массовых переселений, по крайней мере без репрессивных мер, поставила под сомнение оба этнически эксклюзивных проекта.

Что касается внутреннего единства в предлагавшихся к пространственному обособлению группах, то авторы проектов бурятской автономии, монгольской федерации и монгольского царства планировали укреплять его в религиозном пространстве. Многие сторонники автономии рассматривали буддизм в качестве народной идеологии бурят; временное правительство монгольской федерации возглавлялось ламой Нэйсэ-гэгэном; Унгерн считал буддизм воплощением азиатской духовности.²

Как и в случае с профессиональными идентичностями, общим местом было отождествление бурятского (монгольского) этнического и буддийского религиозного пространств. Сравнение религиозного (Рис. 16) и этнического (Рис. 12–14) пространств, однако, не обнаруживает полного совпадения. По версии Переселенческого управления, в религиозном отношении буряты делились на две дискретные группы — буддистов и шаманистов, с преобладанием первых к востоку от Байкала.

Если оставить в стороне вопрос о том, можно ли картографировать религиозные пространства вообще, в стороне и обозначить места отправления религиозных ритуалов, описанные в доступных источниках (Рис. 17–18), то на первый план выходит гетерогенность конфессионального пространства региона. Действительно, до введения религиозных свобод в начале XX в. буддизм был распространен в основном в Забайкалье, однако в 1900–10-х гг. значительное число новых религиозных учреждений открылось к западу от озера. Кроме того, многие священные места являлись таковыми не только для шаманистов, но и для буддистов, а порой даже и для христиан, часть которых принадлежала к бурятской этничности. Длительное взаимодействие между различными религиями и инклюзивный характер буддизма привели к появлению синкретических религиозных практик и размытию межконфессиональных границ.³

¹ ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 78–78 об., 104, 121–122

² Подробнее см. Кузьмин 2004; Базаров 2002; Герасимова 1964

³ Подробнее см. Бураева 2005

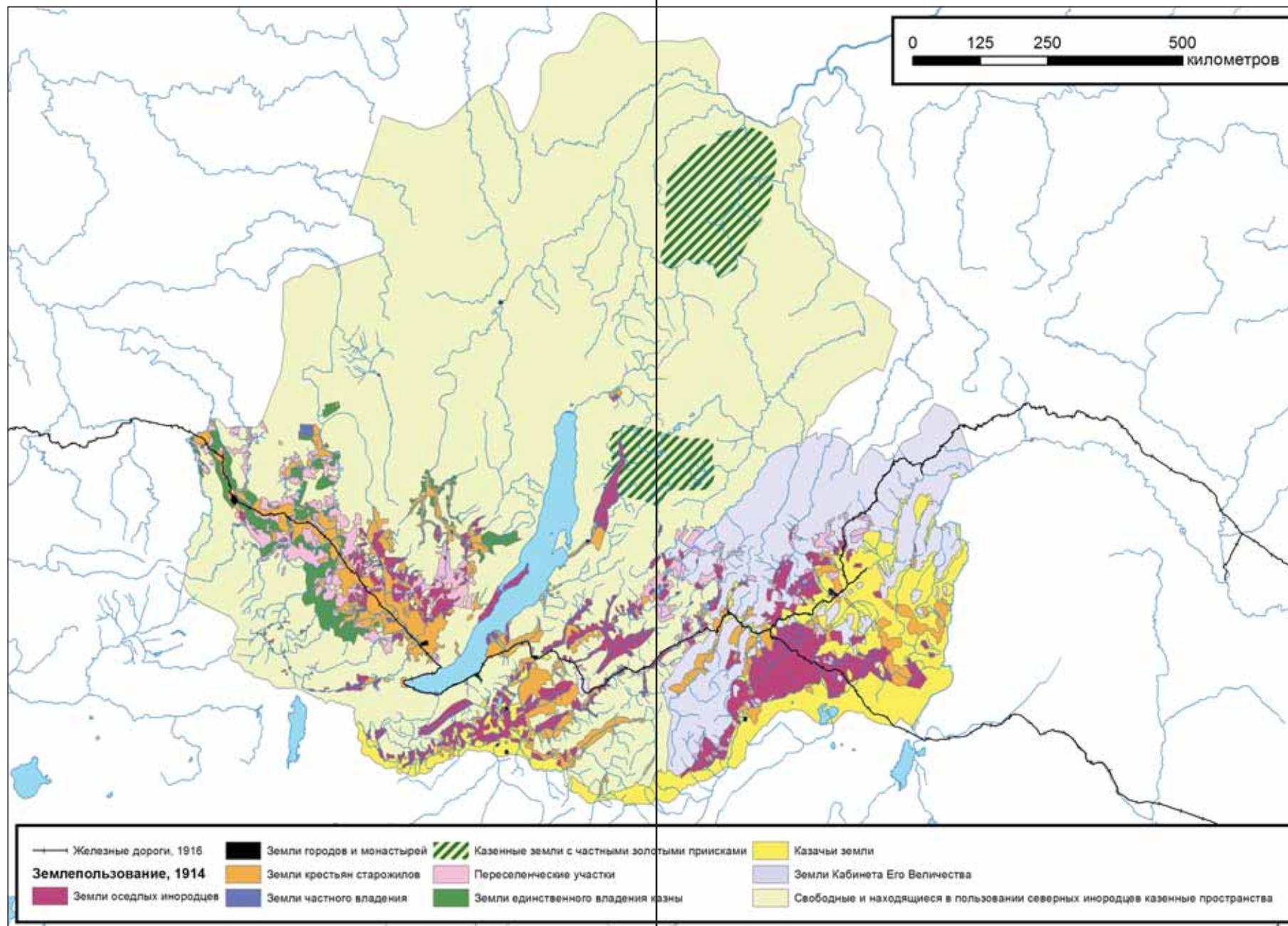

Рис. 15. Землепользование в Байкальском регионе, 1914 (Переселенческое управление землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914с; Переселенческое управление землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914b).

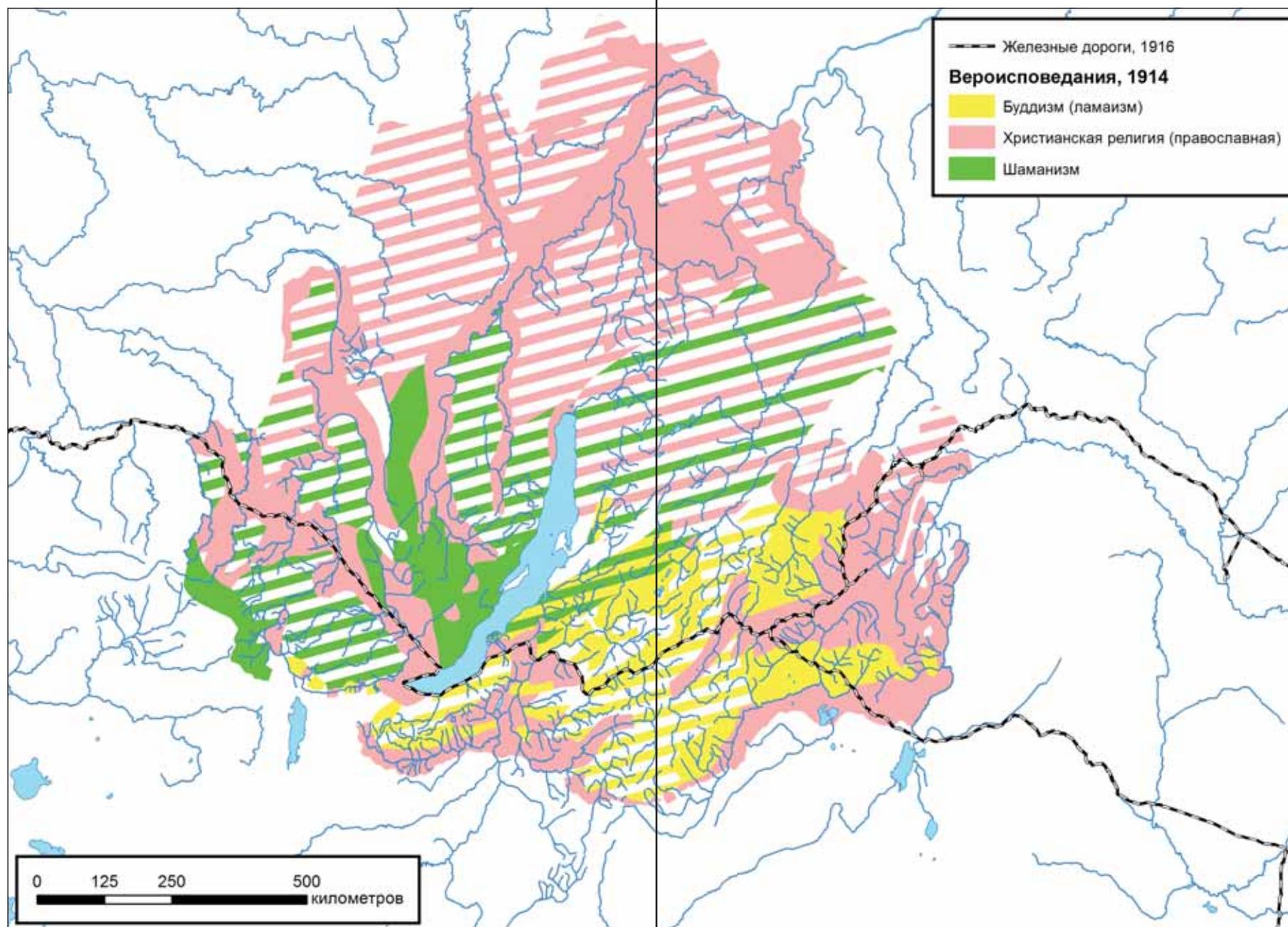
РАЗМЕЖЕВАНИЕ ТРАНСКУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Как видно из представленного выше геоинформационного анализа транскультурных пространств Байкальского региона, проведение границ в каждом из них по отдельности уже было сопряжено с определенными трудностями в условиях множественности интерпретаций и конкурирующих интересов. Многообразие местного населения существенно ослабляло проекты, апеллирующие к этни-

ческой однородности. Что касается проекта Унгерна, то включение разнородных этнических и конфессиональных групп в состав нового государства не встретило понимания ни у кого из его корреспондентов.

Окончательное разграничение региона должно было осуществляться с учетом транскультурного многообразия. Части будущей бурятской республики — аймаки — оформились уже в 1917 г. и были институционализированы путем создания соответствующей

Транскультурные
пространства
и конструирование
границ
в Байкальском
регионе

Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность

Рис. 16. Конфессиональные пространства Байкальского региона, 1914 (Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914h).

щих органов земского, а затем и народно-революционного самоуправления. В условиях крушения имперской, республиканской и советской систем к осени 1918 г. аймаки стали важной частью временной структуры регионального управления (Рис. 19). В начале 1919 г. в Байкальском регионе государство фактически отсутствовало. Контроль над коммуникационным пространством осуществлялся под видом охраны железной дороги многонациональными войсками. Российским войскам под командованием

Колчака удалось сохранить контроль над ключевым участком железной дороги, несмотря на то, что по договору между участниками интервенции Кругобайкальская железная дорога переходила под контроль американцев¹. Аймачные структуры участвовали в управлении бурятским населением. На территорию Байкальского региона в целом претендовали силы Колчака и Семенова.

После поражения Колчака и Семенова Байкальский регион был разделен государственной границей между РСФСР и ДВР

¹ National Archives Microfilm Publication M917, Roll 10, 30–33

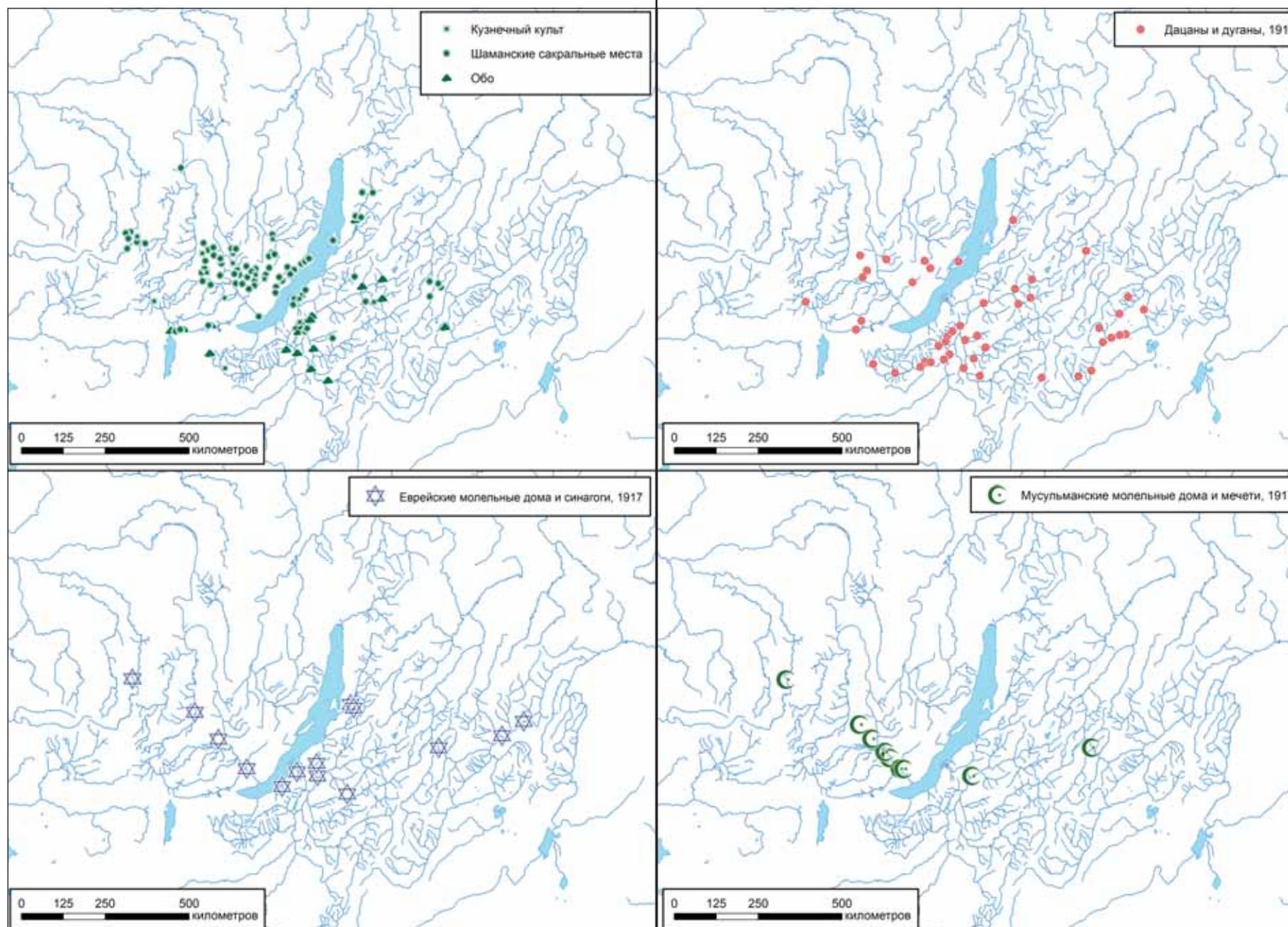

Рис. 17. Священные места и места отправления религиозных ритуалов в Байкальском регионе (Нанзатов 2004; Бурнаркомзем 1924; Галданова et al. 1983; Булаев, Горина 2011; Бобкова 2006; Перинов 2010; Рабинович 1999; Забайкальский областной статистический комитет 1914; Иркутский губернский статистический комитет 1916).

(Рис. 20). Хотя по двустороннему договору граница устанавливалась по реке Селенге, государственная принадлежность правого берега в ее нижнем течении оставалась неясной. В 1921–1922 гг. в обеих республиках продолжился процесс территориального оформления бурятских аймаков. Границы Бурят-Монгольской автономной области до сих пор так и не были окончательно установлены. Ее руководители, многие из которых принимали участие в разработке и реализации первого проекта автономии, придерживались

прежнего курса и стремились к созданию этнически эксклюзивной территории. Ради однородности бурятской территории органы автономного управления были готовы на уступки русскому населению. Крайняя неоднородность пространства землепользования (Рис. 15), которая в ходе земельных захватов и стычек в годы революции и гражданской войны только усугубилась, делала процесс конструирования границ БМАО чрезвычайно трудным. Границы, представленные на карте (Рис. 20), были очерчены в 1922 г. лишь

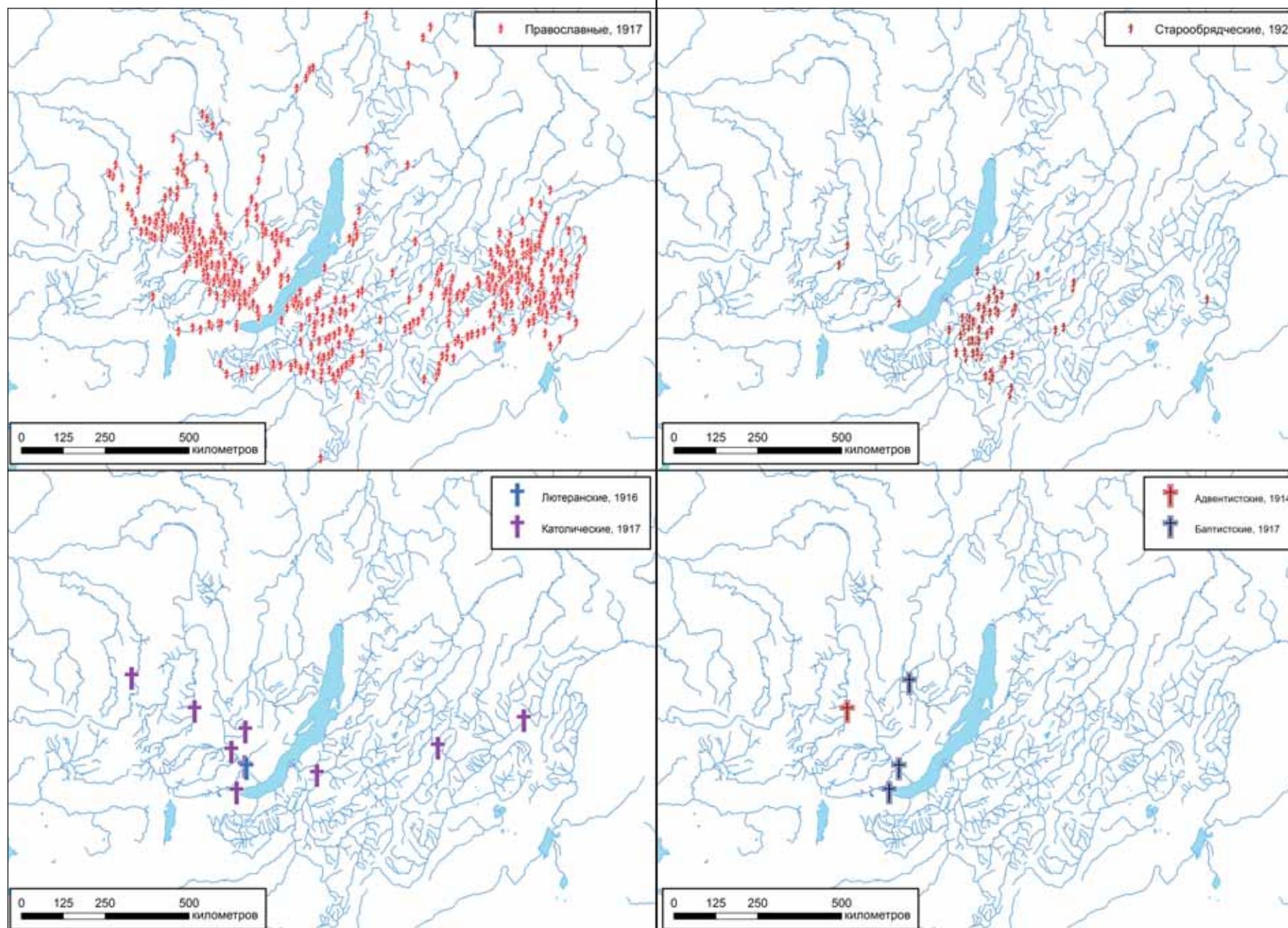

Рис. 18. Христианские церкви, монастыри, часовни, моленные дома и общины в Байкальском регионе (Болонев 2004; Денисов 1908; Гусейнова 2004; Иркутский губернский статистический комитет 1914; Иркутский губернский статистический комитет 1916; Калинина 2000; Костров 2010а; Костров 2010б; Костров 2009; Павлов, Павлова 2007; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914с; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914б; «Семейские — Староверы Забайкалья» 2012; Юмсунова 2005; Забайкальский областной статистический комитет 1912; Забайкальский областной статистический комитет 1914; Зенкова 2003; Емельянов 2002; Желновакова 2010).

примерно и включали территории в пользовании русского населения. Демократический режим двр не способствовал установлению границ. Большинство населения республики было русскими крестьянами, которые не поддерживали стремления бурят к самоопределению, а потому органы власти двр, зависевшие от воли избирателей, не стремились к скорому этническому размежеванию.¹

Однопартийная диктатура, складывающаяся в РСФСР, напротив значительно ускорила процесс конструирования границ Автономной Монголо-Бурятской области. Кроме того, к западу от Бай-

кала в основу конструирования границ был положен совершенно иной принцип. Авторы проекта не стремились к этнической эксклюзивности. Главной их задачей было создание максимально целостной и экономически устойчивой административно-хозяйственной единицы. Национальные группировки населения учитывались, однако границы проводились в первую очередь в экономическом пространстве. Так, в пределы амбо передавались не только сельскохозяйственные и скотоводческие угодья, но и лесные ресурсы. Области были переданы забитуйские каменноугольные

¹ ГАРБ ф. 278, оп. 1, д. 174, л. 80–88 об.; ГАРБ ф. 477, оп. 1, д. 3, л. 2; ГАРБ ф. 477, оп. 1, д. 26, л. 154 об.—155, 157

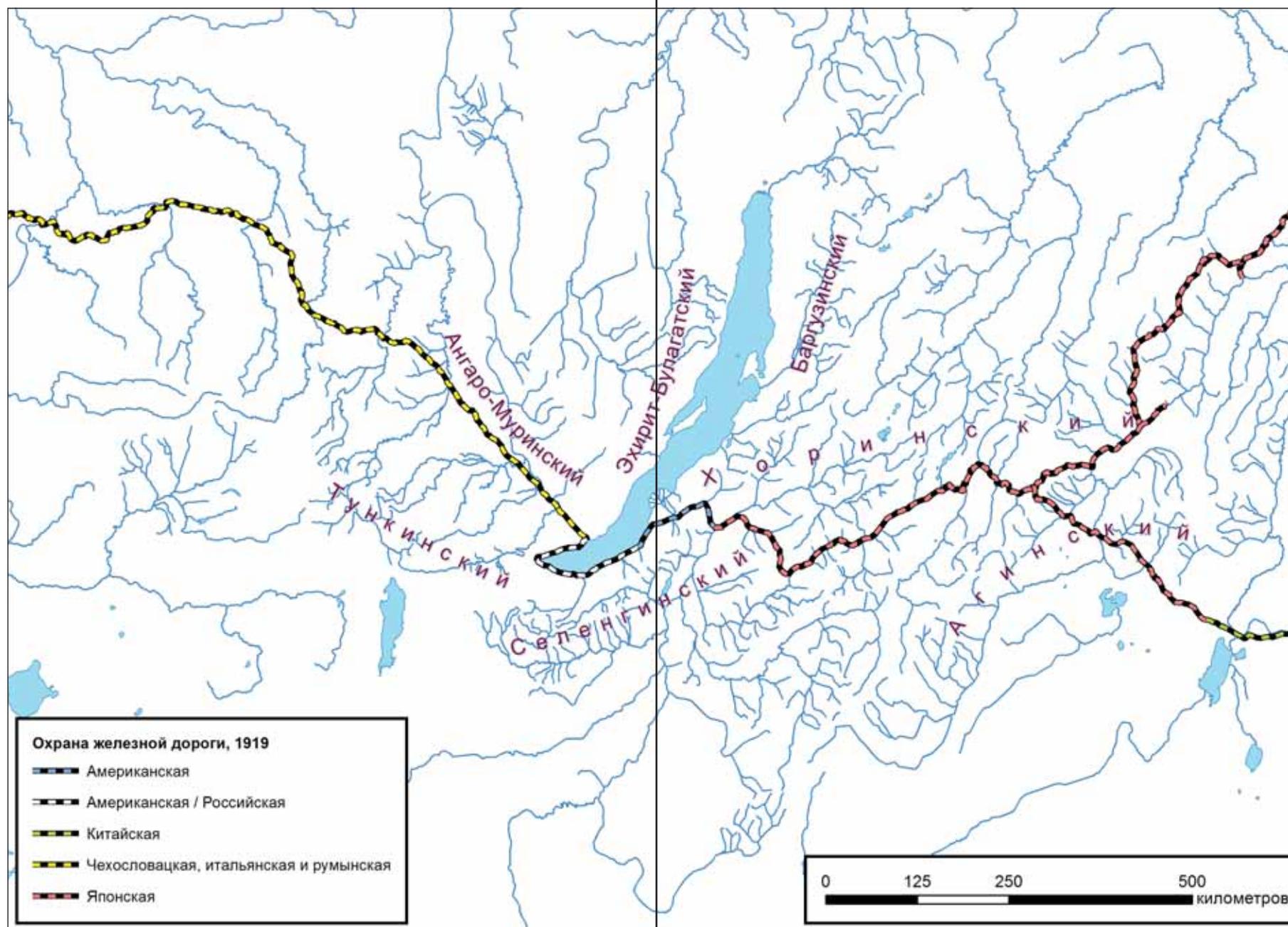

Рис. 19. Бурятские аймаки и международный режим Транссибирской магистрали, 1919 (ГАРФ ф. 483, оп. 1, д. 1, л. 1–6; Mautone 2003; National Archives Microfilm Publication M917, Roll 10, 30–33).

¹ ГАРФ ф. 1318, оп. 1, д. 269, л. 45; ГАРБ ф. 477, оп. 1, д. 28, л. 36, 39 об.—41 об., 43

копи, которые в условиях отсутствия промышленности должны были выступить в роли пролетарского центра автономии¹. Административные центры обеих областей находились за их пределами — в Иркутске и Чите.

Отдельного внимания заслуживает вопрос размежевания в коммуникационном пространстве. Этнически эксклюзивная БМАО допускала включение значительных частей Забайкальской и Китайско-Восточной железной дороги в пределы автономии (Рис. 20),

тогда как из АМБО Транссибирская магистраль в основном исключалась. Кругобайкальская железная дорога оставалась под контролем русских губернских властей.

Данный аспект учитывался и при проведении границ объединенной республики (Рис. 21). В целом БМАССР строилась на тех же принципах территориальной целостности и экономической целесообразности, что и АМБО. В политическом смысле объединение было фактическим включением БМАО в состав АМБО¹. Гра-

¹ ГАРФ ф. 1318, оп. 1, д. 52, л. 9–12, 21

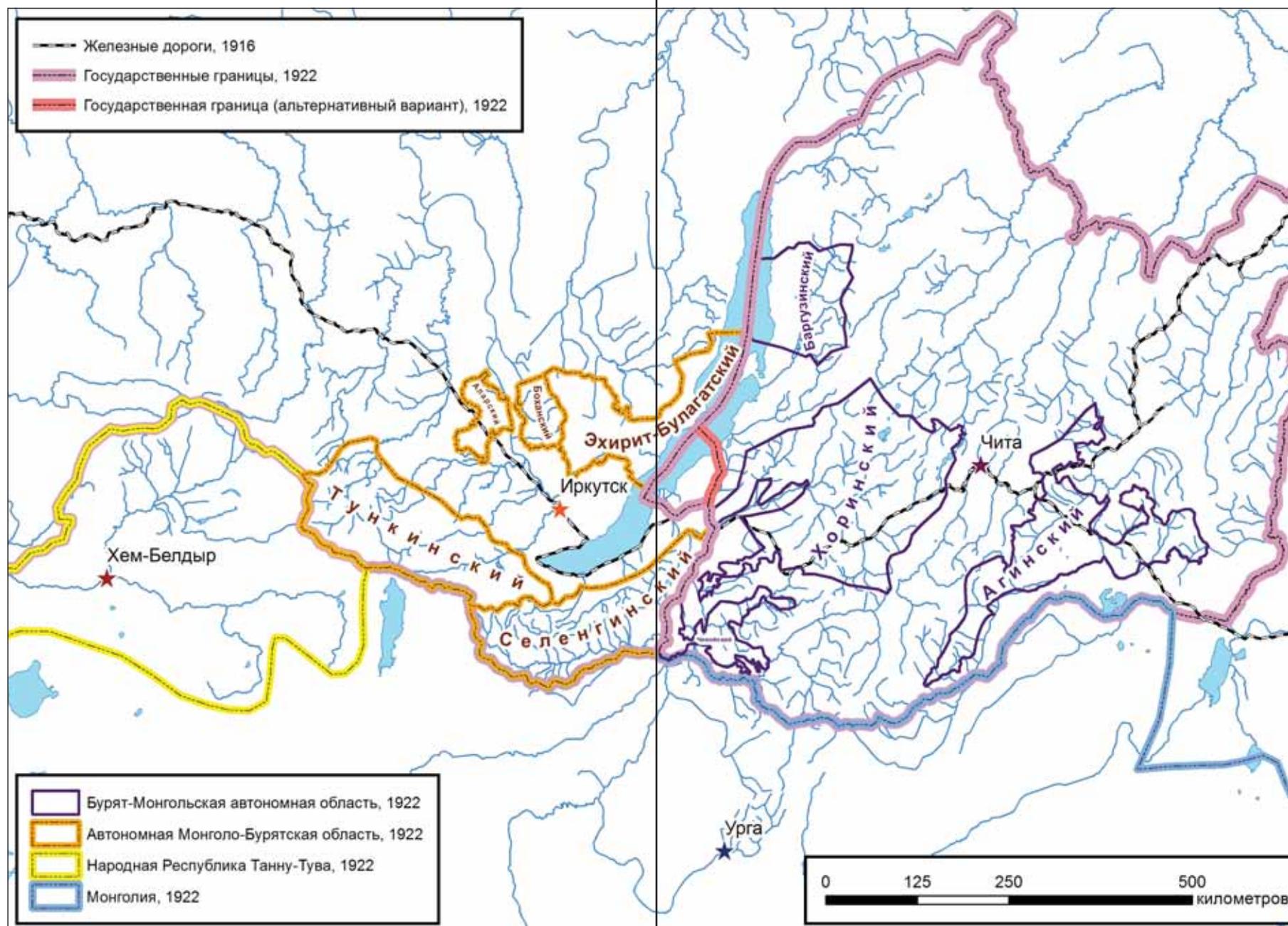

Рис. 20. Независимые государства и автономии в Байкальском регионе, 1922 (ГАРФ ф. 1318, оп. 1, д. 52, л. 33–33а, 139; The Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922a).

ницы, установленные к западу от Байкала (Рис. 20), значительных изменений не претерпели. На территории бывшей двр, однако, границы были коренным образом пересмотрены (Рис. 21).

Важную роль в пересмотре границ сыграло несколько факторов. В соответствии с принципами районирования РСФСР территориям требовались пролетарские центры — города. Таковыми должны были стать Троицкосавск и Верхнеудинск, включенные в состав республики (последний в качестве столицы). Бурятские политики Забайкалья поддержали идею включения городов, однако выступали

категорически против включения большого количества русского, в первую очередь старообрядческого (Рис. 18), населения в пределы республики¹. Данные пожелания учтены не были и в пределах установленных к концу 1923 г. границ в МАССР буряты составили чуть больше половины населения. С включением в 1926 г. в состав республики Кабанского аймака количество русского населения в МАССР еще более увеличилось, тогда как несколько тысяч бурят к республике так и не присоединились².

¹ ГАРФ ф. 477, оп. 1, д. 26, л. 236–238 об.

² ГАРФ ф. 283, оп. 1, д. 2, л. 44

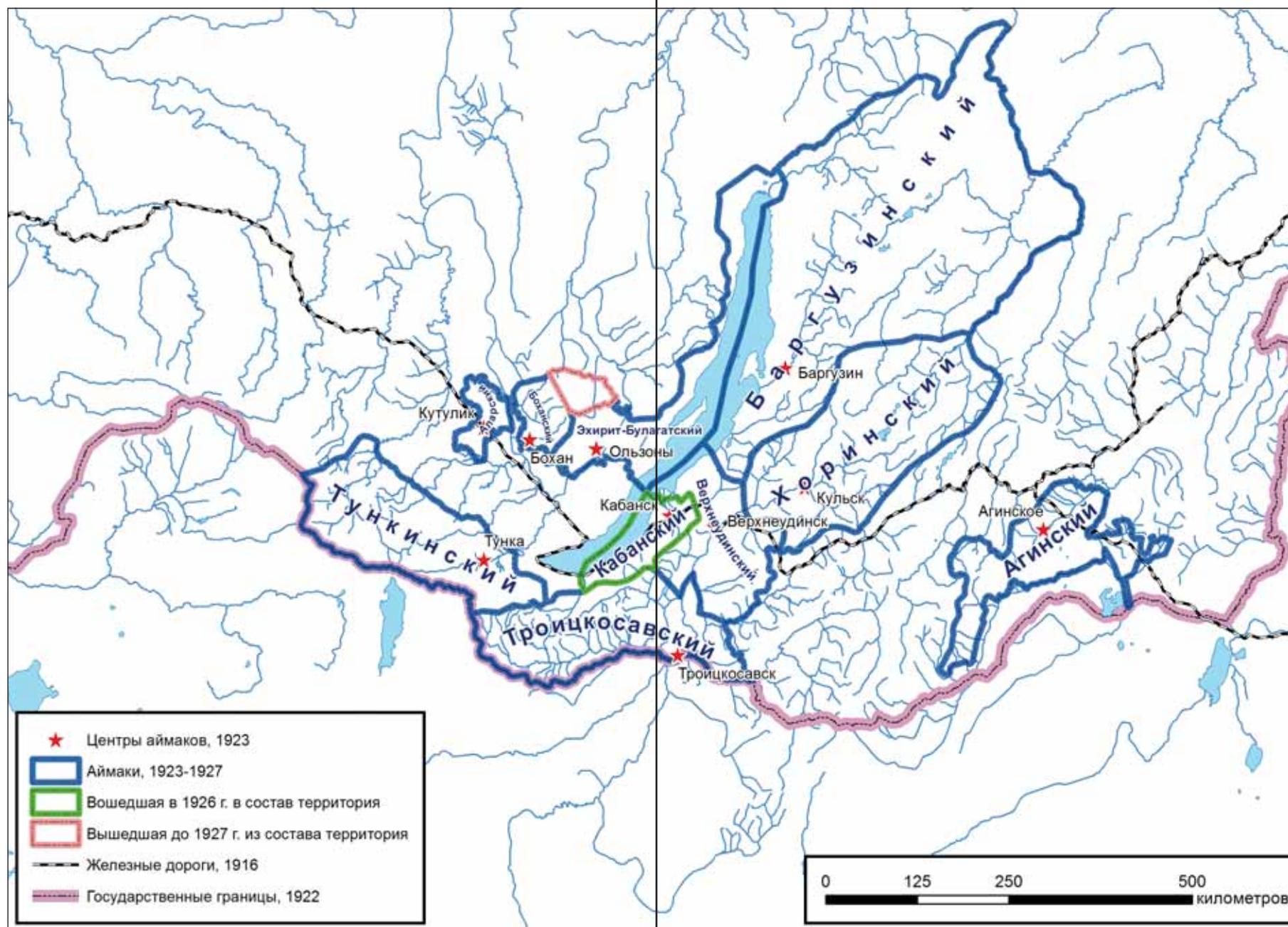

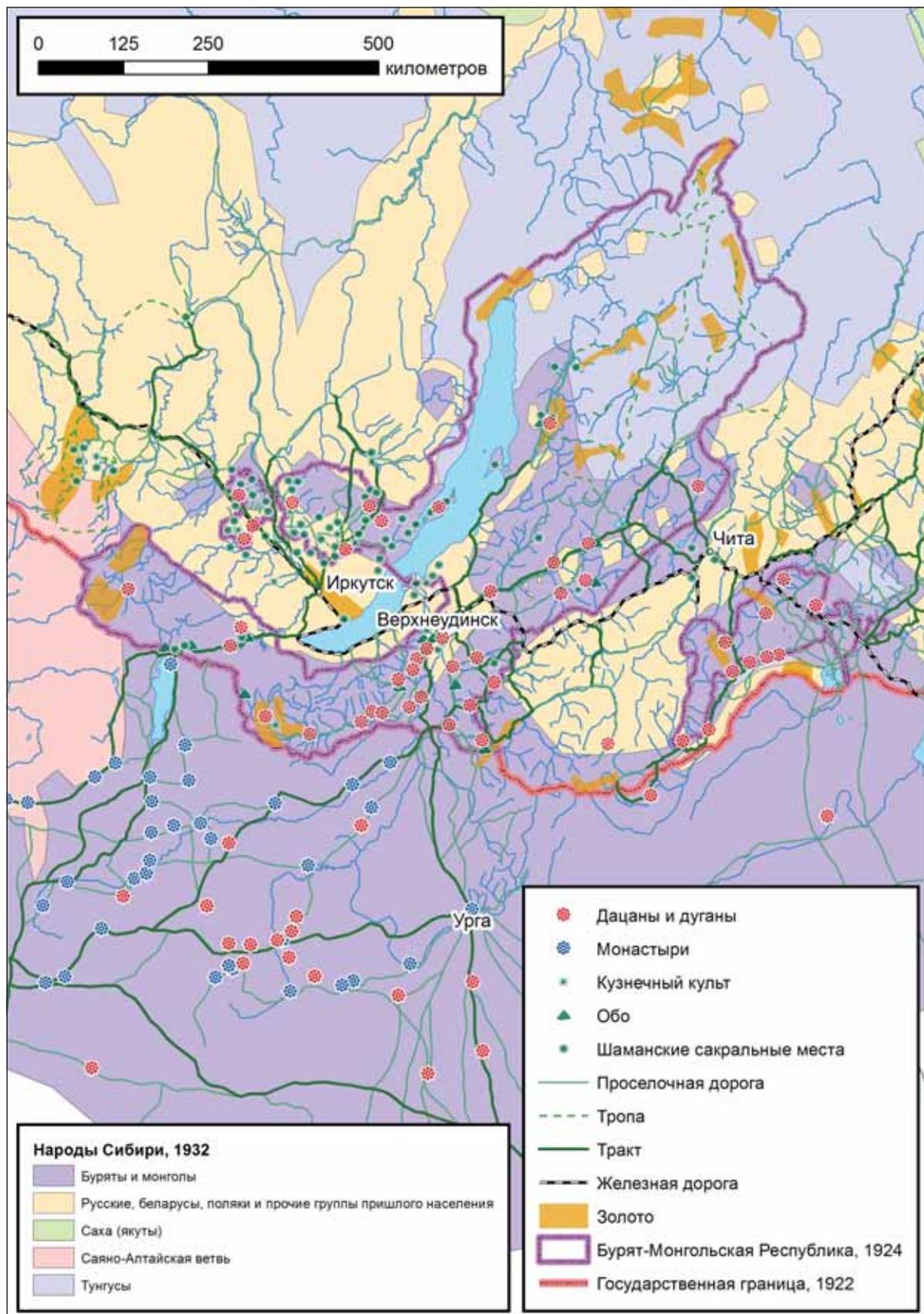
Рис. 21. Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика, 1923–1927 (Бурнаркомзем 1924; Картоиздательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР 1928; The Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922b).

Соображения этнической однородности, высказываемые при протестах против включения русского населения, были отброшены при мотивировке включения в состав Баргузинского аймака (Рис. 21) обширных таежных территорий, населенных в основном эвенками (Рис. 12–14). Последние назывались родственным бурятам народом. Включение их территорий в состав БМАССР объяснялось экономическими соображениями¹, т.к. давало республике доступ к пушным (Рис. 11) и золоторудным ресурсам (Рис. 10).

¹ ГАРФ ф. 1318, оп. 1, д. 269, л. 95

Еще одним важным аспектом при конструировании границ в МАССР стало расширение общей границы с Монголией. Для этой цели в ее состав была включена значительная часть бывшего Троицкосавского уезда (Рис. 7), а также создана специальная «доходная полоса», соединившая Монголию с Агинским аймаком (Рис. 21). Последнюю предполагалось сделать шире с включением обеих Торейских озер¹, однако центральные власти на это не пошли.

¹ ГАРФ ф. 477, оп. 1, д. 26, л. 236–238 об.

Процесс создания БМАССР и конструирования ее границ был сопряжен со значительной оппозицией, как в центральных, так и в региональных партийных кругах. Успех проекта во многом зависел от внешнеполитических, а точнее, от транснациональных задач, которые возлагались на новую республику. Она должна была стать связующим звеном, «смычкой», между находящимся под контролем большевиков пространством Азиатской России и регионами Центральной и Восточной Азии¹. Карты Байкальского региона, изданные в 1920-х — начале 1930-х гг., отражают пространственные аспекты этих задач.

Одна из первых карт БМАССР отводит новой республике примерно половину своей площади. Кроме самой республики на ней представлена значительная часть Монголии, а также смежные регионы РСФСР. Данная карта, дополненная информацией о священных местах, ресурсах и этнических пространствах в интерпретации конца 1920-х — начала 1930-х гг. (Рис. 22), позволяет детально рассмотреть трансграничные аспекты созданной управленческой структуры.

Помимо нескольких крупных золоторудных месторождений, в состав республики были включены практически все дацаны. Несмотря на антирелигиозную деятельность партии и правительства, начавшуюся уже в конце 1910-х гг., буддизм был фактически признан в качестве связующего трансграничного фактора в макрорегионе. Более того, отмеченные на карте трансграничные коммуникации и религиозные учреждения Монголии (Рис. 22) позволяли использовать ее для путешествий в зарубежные монастыри и дацаны. Хотя шаманские священные места на карте указаны не были, она показывала путь к таким местам за пределами республики.

На карте (Рис. 22) представлены также трансграничные этнические паттерны: монголы с бурятами объединены в одну группу и отнесены к населению Сибири. Также на карте хорошо видно, что принцип этнической эксклюзивности не лежал в основе проведения границ БМАССР. Создание автономии в раннесоветской интерпретации подразумевало не обособление определенной группы населения, а организацию и контроль над множественными пространствами — этническими и суперэтническими, конфессиональными, коммуникационными и, в первую очередь, экономическими.

В этом смысле кампания по созданию автономий внутри советского государства и поддержке революций за его пределами является не проектом обособления национально-государственных единиц, а проектом создания транснациональной управленческой структуры. Имело место лишь административное размежевание, тогда как всеобъемлющая политическая система была инклюзивна для различных этнических, конфессиональных, професси-

¹ ГАРФ ф 1318, оп. 1, д. 52, л. 9–12, 21

Рис. 22 (на стр. 62). Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика и трансграничные взаимосвязи (Бурнаркомзем 1924; Шумяцкий 1932; Нанзатов 2004; Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс 1914e; The Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922b).

ональных и других групп населения. Созданный в конце 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик являлся институционализацией такой инклюзивной структуры, унитарной с политико-идеологической точки зрения, но гибкой и федеративной со всех остальных.

Как показал опыт начала 1920-х гг., в Байкальском регионе такая структура успешно создавалась и в краткосрочной перспективе была весьма эффективной: Ринчино, один из ключевых авторов проекта, писал о скором присоединении Монголии к СССР¹. В этом контексте вопросы отказа партийным руководством от первоначального плана трансграничного переустройства и вырождения СССР в классическое государство или «империю наций»² в 1930-х гг. заслуживает дальнейшего изучения. Благодаря способности совмещать различные перспективы метод пострепрезентативного историко-геоинформационного анализа, представленный в настоящей статье, может оказаться весьма полезным для поиска ответов на эти вопросы в условиях современной многополюсной и междисциплинарной гуманитарной науки, стремящейся учесть многообразие точек зрения на прошлое³.

Несмотря на роль партии на заключительном этапе, границы, сконструированные в Байкальском регионе в 1917–1923 гг., были не продуктом политической воли большевистского руководства, а результатом комплексных взаимодействий между многочисленными участниками властных отношений. Значительную роль в оформлении и реализации проекта автономной республики сыграли представители региональной интеллигенции, как духовной (Агван Доржиев), так и светской (Ринчино, Михей Николаевич Ербанов, Борис Захарович Шумяцкий). Неудавшиеся попытки размежевания, предшествовавшие появлению республики, оказали значительное влияние на окончательную конфигурацию границ. Проект Бурят-монгольской автономии 1917 г. продемонстрировал значимость этнических пространств для регионального населения. Монгольская федерация стала воплощением стремлений к политическому оформлению трансграничной суперэтнической общности. Теократический проект не только подтвердил особую роль религии в регионе, но и обнаружил противоречия между буддистами. Автономные области, построенные на разных политических принципах, показали опасность понимания демократии как диктатуры большинства. Появление каждого из этих проектов, однако, не было обусловлено «историческими закономерностями». Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика стала логически объяснимым, но не predetermined итогом властных отношений в условиях крушения империй в Азии. ✱

¹ РГАСПИ ф. 495, оп. 152, д. 27, л. 7–8

² Hirsch 2005

³ Conrad, Sachsenmaier 2007

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев, А. И. 2006. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, Нартанг.
- Арсеньев, К. К., Ф. Ф. Петрушевский, ред. 1893. «Душкочан». Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Типо-литография И. А. Ефрона.
- — —, ред. 1895. «Киренск». Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Типо-литография И. А. Ефрона. 109–111.
- Базаров, Б. В. 2002. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
- — —, ред. 2011. История Бурятии. Том 3. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
- Базаров, Б. В., Жабаева, Л. Б. 2008. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов первой трети XX века. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
- Бобкова, Г. И. 2006. «История татарских общин иркутской губернии XIX – начала XX в.». Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск: Иркутский государственный университет.
- Болонев, Ф. Ф. 2004. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Москва: ИПЦ «ДИК».
- Брук, С. И. 1961. «Расселение народов Сибири в конце XIX и начале XX в.» В: Историко-этнографический атлас Сибири, ред. М. Г. Левин, Л. П. Потапов. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Булаев, В. М., К. В. Горина. 2011. «Конфессиональное пространство как предмет социальной географии». Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта (1): 147–156.
- Бураева, О. В. 2005. Этнокультурные взаимодействия народов байкальского региона в XVII – начале XX в. под ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
- Бурнаркомзем. 1924. Карта Бурят-Монгольской А.С.С. Республики, Забайкальской губ. и Монголии. Иркутск: Первая гостиполитография.
- Варнавский, П. К., Г. А. Дырхеева, Т. Д. Скрынникова. 2003. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая половина XX веков). Иркутск: Оттиск. http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat/.
- Владимиров, В. Н. 2005. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул: Издательство Алтайского университета.
- Галданова, Г. Р., К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. 1983. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовой системы. Под ред. В. В. Мантанова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Герасимова, К. М. 1964. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства: 1917–1930 г. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во.
- Главное управление почт и телеграфов, Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1914. «Почтово-телеграфная Карта Азиатской России (схематическая)». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.

*Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность*

- Гусейнова, Т. Н. 2004. «Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди старообрядцев Забайкалья (XVIII – начало XX вв.)» Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Улан-Удэ: Бурятский государственный университет.
- Дандарон, Б. Д. 2006. Избранные статьи, Черная тетрадь, материалы к биографии, История Кукунора Сумпы Кенпо. Под ред. В. М. Монтлевича. Санкт-Петербург: Евразия.
- Денисов, Л. И. 1908. Православные монастыри Российской империи: Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. Москва: Издание А. Д. Ступина.
- Емельянов, С. М. 2002. «История католической церкви в Восточной Сибири (начало XIX в. – 1917 г.)». Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Иркутск: Иркутский государственный университет.
- Желновакова, М. Ф. 2010. «Причины появления протестантизма в Иркутской губернии.» Известия Алтайского Государственного Университета (4–3): 73–77.
- Забайкальский областной статистический комитет. 1912. Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г. (с изменениями, последовавшими к 1 мая 1912 г.). Чита: Электро-типография Забайкальского областного правления.
- — —. 1914. Памятная книжка Забайкальской области на 1914 г. Под ред. А. Г. Мамонов. Чита: Типография Забайкальского областного правления.
- Зенкова, Т. М. 2003. «Народная песенная культура семейских восточного Забайкалья (историко-культурологический аспект)». Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии, Улан-Удэ: Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств.
- Иркутский губернский статистический комитет. 1914. Памятная книжка Иркутской губернии: 1914 г. Иркутск: Губернская типография.
- — —. 1916. Адрес-календарь Иркутской губернии. Иркутск: Губернская типография.
- Калинина, И. В. 2000. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века: Научно-справочное издание. Москва: Галарт.
- Картографическое заведение А. Ильина. 1899. «Этнографическая карта Российской империи». В: Энциклопедический словарь, под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Том. 28. Санкт-Петербург: Издательское дело, бывш. Брокгауз-Ефрон.
- Картоиздательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. 1928. «Автономная Бурято-Монгольская Социалистическая Советская Республика». В: Атлас Союза Советских Социалистических Республик, под ред. А. С. Енукидзе, 71–72. Москва: Издательство ЦИК СССР.
- Костров, А. В. 2009. «Демографическое движение старообрядческого населения байкальской Сибири в начале XX в.» Известия Алтайского государственного университета 3 (4): 103–107.
- — —. 2010а. «Кампания по закрытию храмов старообрядцев в Забайкалье (1930-е гг.)». Новый исторический вестник 24 (2): 26–33.
- — —. 2010б. «Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг.» Новый исторический вестник 23 (1): 35–42.
- Кувшин, С. Л., ред. 2004. Барон Унгерн в документах и мемуарах. Москва: Товарищество научных изданий КМК.
- Курас, Л. В. 2011. «Геополитические амбиции атамана Семенов: попытка создания федеративного “Велико-монгольского государства”». Гуманитарный Вектор (4 (28)): 255–262.

- Лейкина, С. А. 2004. «Промыслы и кустарное производство Иркутской губернии в конце XIX – первой трети XX в.» Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Иркутск: Иркутский государственный университет.
- Моллеров, Н. М. 2005. «Урянхайский Край (Тува): От объекта внешней политики — к статусу субъекта международного права (1917–1921 гг.)». Проблемы Дальнего Востока (6): 106–125.
- Морев, В. А. 2010. «Сибирский телеграф во второй половине XIX в.» Вестник Томского государственного университета: история (4 (12)): 22–30.
- Нанзатов, Б. З. 2004. «Священные и культовые места Бурятии». В: Буряты, под ред. Л. Л. Абаевой, Н. Л. Жуковской, 398–399. Москва: Наука.
- Павлов, В. А., Павлова, Ю. В. 2007. История старообрядческого села Новосретенка. Улан-Удэ: Республиканская типография.
- Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, Картографическое заведение товарищества А. Ф. Маркс. 1914а. «Карта административного деления Азиатской России». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- — —. 1914б. «Карта Забайкальской Области». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- — —. 1914с. «Карта Иркутской Губернии». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- — —. 1914д. «Карта путей сообщения Азиатской России». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- — —. 1914е. «Карта полезных ископаемых Азиатской России». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- — —. 1914ф. «Карта промыслов Азиатской России». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- — —. 1914г. «Этнографическая карта Азиатской России». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- — —. 1914h. «Карта распределения населения Азиатской России по вероисповеданиям». В: Атлас Азиатской России, под ред. Г. В. Глинки. Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- [Переселенческое управление], Картографическое заведение Г. Де-Кельш. 1914. Карта Иркутской Губернии. Санкт-Петербург: Картографическое заведение Г. Де-Кельш.
- Перинов, В. В. 2010. «Мусульмане в Забайкалье (середина XIX века – 1917 год)». Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
- Протасова, Н. И. 2010. Очерки о Нижнеудинске: Сборник. 2-ое изд. Нижнеудинск: Администрация г. Нижнеудинска, Музейно-культурный центр.
- Рабинович, В. Ю. 1999. «Евреи дореволюционного Иркутска: Наброски к портрету». Диаспоры (1): 77–103.

- «СЕМЕЙСКИЕ — Староверы Забайкалья». 2012. Accessed March 25. <http://www.semeyskie.ru/>.
- ХАБАРОВ, В. Ф., ред. 2008. «Россия». В: Национальный Атлас России, 1:10–11. Москва: ФГУП ПКО Картография.
- ЦЫРЕМПИЛОВ, Н. В. 2007. «Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье». Восток: Афро-азиатские Общества: История и современность (6): 64–75.
- ШВЕЦ, Е. Г. 2002. «Забайкальское купечество во второй половине XIX века». Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Иркутск: Иркутский государственный университет.
- ШПЕРК, Ф. Ф. 1894. «Иркутская Губерния». Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Типо-литография И. А. Ефрона.
- ШУЛУНОВА, Л. В., ред. 2007. Топонимический словарь этнической Бурятии. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ.
- ШУМЯЦКИЙ, Б. З., ред. 1932. «Народности Сибири». В: Сибирская советская энциклопедия. Том. 3. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ.
- ЮЗЕФОВИЧ, Л. А. 1996. «Начало панмонгольского движения и атаман Семенов». В: Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: история, археология, культурная антропология и этнография: материалы всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994 г., под ред. А. Р. Вяткина, С. А. Иванова, 179–180. Москва: Международный научный фонд, Программа поддержки Дж. Соросом российских гуманитариев 1993–1996 гг.
- — —. 2010. Самодержец пустыни: Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. Москва: Ad Marginem Press.
- ЮМСУНОВА, Т. Б. 2005. «Русские старообрядческие говоры Забайкалья: Особенности формирования и современное состояние». Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- ADOLPHS, Ralph. 2003. “Cognitive Neuroscience of Human Social Behaviour.” *Nature Reviews Neuroscience* 4 (3): 165–178.
- ANDERSON, Benedict. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origin, Spread of Nationalism*. Rev., extended ed. London: Verso.
- CONRAD, Sebastian, Dominic Sachsenmaier. 2007. “Introduction: Competing Visions of World Order: Global Moments, Movements, 1880s–1930s.” In *Competing Visions of World Order: Global Moments, Movements, 1880s–1930s*, edited by Sebastian Conrad, Dominic Sachsenmaier, 1–25. New York: Palgrave Macmillan.
- FALL, Juliet. 2002. “Divide, Rule: Constructing Human Boundaries in ‘boundless Nature’.” *GeoJournal* 58 (4): 243–251.
- FORSYTH, James. 1992. *A History of the Peoples of Siberia: Russia’s North Asian Colony, 1581–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.
- GADM. 2012. “Global Administrative Areas, Version 2.” *Global Administrative Areas*. <http://gadm.org/country>.
- HIRSCH, Francine. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge, the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- KNOWLES, Anne Kelly. 2002. “Introducing Historical GIS.” In *Past Time, Past Place: GIS for History*, edited by Anne Kelly Knowles, xi–xx. Redlands, CA: ESRI Press.

- LATOUR, Bruno. 2005. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.
- LÖW, Martina. 2001. *Raumsoziologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- MARKS, Steven G. 1991. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad, the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. Ithaca: Cornell University Press.
- MAUTONE, Antonio. 2003. *Trentini e Italiani contro l’Armata rossa: la storia del Corpo di Spedizione in Estremo Oriente e dei “Battaglioni Neri”, 1918–1920*. Trento: Editrice Temi.
- NATURAL Earth. 2012a. “Natural Earth II with Shaded Relief, Water, Drainages.” *Natural Earth*. <http://www.naturalearthdata.com/downloads/10m-natural-earth-2/10m-natural-earth-ii-with-shaded-relief-and-water/>.
- — —. 2012b. “Natural Earth II with Shaded Relief, Water.” *Natural Earth*. <http://www.naturalearthdata.com/downloads/10m-natural-earth-2/10m-natural-earth-2-with-shaded-relief-water-and-drainages/>.
- — —. 2012c. “1:10M Physical Vectors.” *Natural Earth*. <http://www.naturalearthdata.com/downloads/10m-physical-vectors/>.
- THE Edinburgh Geographical Institute, John Bartholomew & Son, Ltd. 1922a. “China—Political [map, 1:10,000,000].” In “The Times” Atlas, 62. London: The Times.
- — —. 1922b. “Asia—Political [map, 1:25,000,000].” In “The Times” Atlas, 49. London: The Times.
- TSYREMPILOV, Nikolay. 2008. “Samdan Tsydenov, His Buddhist Theocratic Project in Siberia.” In *Biographies of Eminent Mongol Buddhists: PIATS 2006: Proceedings of the Eleventh Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Königswinter 2006*, edited by Johan Elverskog, 117–138. *Beiträge Zur Zentralasienforschung* 15. Halle, Saale: International Institute for Tibetan, Buddhist Studies.
- W. & A.K. Johnston. 1912. “Asia [map, 1:20,967,600].” In *Keith Johnston’s General Atlas*, Aug. 1911, 31. Edinburgh: W. & A.K. Johnston, Limited.
- WENZLHUEMER, Roland. 2010. “Globalization, Communication, the Concept of Space in Global History.” *Historical Social Research* 35 (1): 19–47.
- — —. 2012. *Connecting the Nineteenth-Century World: The Telegraph, Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

*С.В. Данилов, А. Очир, Н.В. Именохоев,
Л. Эрдэнэболд, Б.З. Нанзатов,
А.И. Симухин, Н. Уртнасан*

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ
ЭКСПЕДИЦИОННОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

*Городище
Баян-Ундэр.
Фото: Tartaria
Magna, 2012*

ANCIENT AND MEDIEVAL CITIES OF CENTRAL ASIA. PRELIMINARY RESULTS OF THE FIELD RESEARCH

The article examines the preliminary results of Russian-Mongolian expedition (2010–2012). The main goal of the expedition was exploration of Central Asian ancient forts. The territory of research included Mongolia, Tyva, Buryatia and Trans-Baikalia. Eighty nine forts and settlements of Xiongnu, Uighur, Khitan and Mongol periods had been explored over three years. The distribution features of Central Asian ancient and medieval forts and settlements may help to indicate social and political processes in the nomadic society through formation of settlements and forts.

GPS maps can contribute to our understanding of various aspects of the historical geography of the region. It can more clearly present relationship of the settlements with the natural environment. The map is able to deepen our understanding of the internal evolution of the inhabitants of the nomadic fortified settlements and of the nomadic empires in general.

[†] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №10-01-00542а/Г «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии»

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

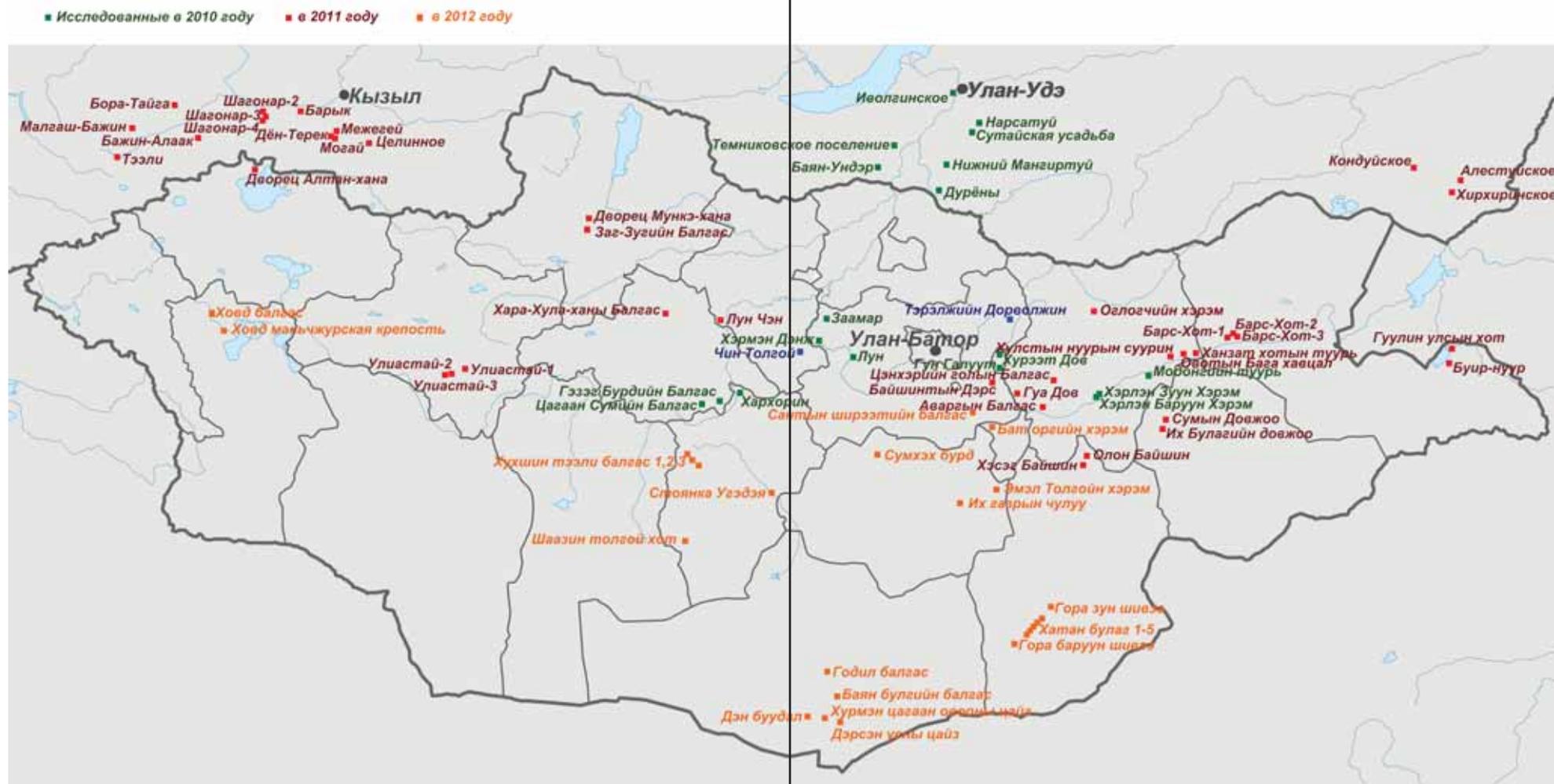
С. В. Данилов,
А. Очир,
Н. В. Именохов,
Л. Эрдэнэболд,
Б. З. Нанзатов,
А. И. Симухин,
Н. Уртнасан

*Институт
монголоведения,
буддологии и
тибетологии
СО РАН (Россия),
Международный
институт по
изучению кочевых
цивилизаций
(Монголия),
Монгольский
государственный
университет науки
и технологии
(Монголия)*

Многочисленное и разнообразное археологическое наследие, оставленное древними и средневековыми центральноазиатскими кочевниками, нуждается во все более глубоком и комплексном исследовании. Причем для лучшего понимания проблем историко-культурного характера необходимо привлечение специалистов различных смежных гуманитарных научных дисциплин и естественных наук. Одним из слабоизученных видов археологических памятников древних кочевников являются стационарные оседлые поселения и городища, которые начали возникать в эпоху поздней древности, в хуннское время, хотя ряд источников и археологических данных свидетельствует о возможном более раннем их появлении. Возникновение оседлых поселений и городищ обычно связывают с усложнением экономических, социальных, политических отношений в кочевых обществах, приводивших к появлению институтов ранней государственности. И города как своеобразные маркеры более высокого уровня развития считаются одним из признаков перехода кочевых обществ Центральной Азии к новым общественным отношениям.

Имеющиеся в настоящее время данные о поселениях и городищах, распространенных на территории Центральной Азии, позволяют использовать их в исторических исследованиях и выстраивать схемы исторических процессов, протекавших в регионе с появлением производящей экономики — скотоводства. Однако для превращения древних и средневековых городов в полноценный исторический источник и для его последующего успешного введения в научный оборот требуется проведение ряда принци-

Древние
и средневековые
города
Центральной
Азии

Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность

Рис.1. Создание
электронной
карты городов
древних кочевников
Центральной Азии

ально важных исследовательских процедур. Наиболее значимым приемом являются крупномасштабные раскопки, позволяющие получить наиболее полную информацию о памятнике: его фортификационные особенности, характеристика различных зданий

Имеющиеся в настоящее время карты распространения городов и поселений центральноазиатских кочевников уже не отвечают требованиям и уровню современной науки

и сооружений, род занятий его населения, уровень материального и духовного состояния обитателей поселений, включенность населения в социальные структуры и политическую деятельность

доминирующего в данную эпоху общества и др. Иногда функции поселений и городищ можно выявить только при наличии данных о географии их распространения, привязанности к водным артериям и торговым путям; иногда эта задача решается путем сопоставления изучаемого памятника с иными одновременными археологическими памятниками; в других случаях важными становятся такие факторы, как удаленность / приближенность памятника к границам конкретного этнополитического образования или его включенность в окружающие природно-ландшафтные комплексы. Выяснение ряда перечисленных характеристик невозможно без проведения картографических работ и археологического обследования памятников на территории России и Монголии.

Имеющиеся в настоящее время карты распространения городов и поселений центральноазиатских кочевников уже не отвечают требованиям и уровню современной науки. Еще предстоит проделать работу по выявлению и уточнению координат давно известных и недавно открытых памятников, датировке, классифи-

¹ В составе экспедиционного отряда работали сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Международного института по изучению кочевых цивилизаций (руководитель проекта с российской стороны — д.и.н. С.В. Данилов, руководитель с монгольской стороны — проф. Аюдайн Очир). В 2011 г. в работе экспедиции на территории Тывы принимал участие сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований Д.К. Тулуш.

кации и обобщению материала, хронологически охватывающего почти тысячелетний период существования центральноазиатских городов. Для восполнения недостающих картографических данных в 2010–2012 гг. международной Российско-Монгольской археологической экспедицией в рамках научно-исследовательского проекта ргнф «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» проводились полевые исследования на территории Монголии, Бурятии, Забайкальского края и Тывы.¹

На территории Центральной Азии, в частности, в Монголии, Забайкалье, Тыве выявлено значительное количество оседлых стационарных укрепленных городищ, неукрепленных поселений, отдельные из которых по имеющимся сведениям письменных источников выполняли функции городов (Рис. 1). Археологическое изучение отдельных городищ показало, что обнаруживаемый на них предметный комплекс во многом соответствует погребальному инвентарю из кочевнических погребений определенных периодов. Таким образом, были выделены городища, относящиеся к эпохам хунну, уйгуров, киданей, монголов.

В настоящее время изучение истории древних кочевых народов Центральной Азии невозможно без полноценных данных о городской культуре, созданной кочевниками. Хотя имеющиеся письменные источники и археологические памятники воссоздают историческую картину не только упомянутых, но и других центральноазиатских народов, все же без материалов археологически изученных городов и стационарных поселений не представляется возможной реконструкция целостной картины хозяйственно-экономической жизни, становления и развития социальных и политических систем, изучение уровня материальной и духовной культуры кочевых обществ. Даже единично раскопанные памятники, такие как Иволгинское городище хунну, киданьское городище Чин Толгой, монгольский город Каракорум, позволили ввести в научный оборот материалы, которые дают совершенно иной взгляд на существование и жизнедеятельность хуннского, киданьского и монгольского обществ. К сожалению, количество раскопанных городов пока незначительно и не может дать полноценной картины жизни кочевых государств, часть населения которых переходила к оседлости.

С.В. Киселев, внесший большой вклад в изучение городской культуры кочевников, подчеркивал, что городская культура кочевников еще ждет своих исследователей. Неоценимый вклад в изучение, интерпретацию и осмысление этого вида археологических источников внес коллега и сподвижник С.В. Киселева Х. Пэрлээ, объехавший всю Монголию и составивший списки всех известных ему древних городов и поселений, давший описание и датировавший подавляющее число памятников. Однако имеющиеся списки

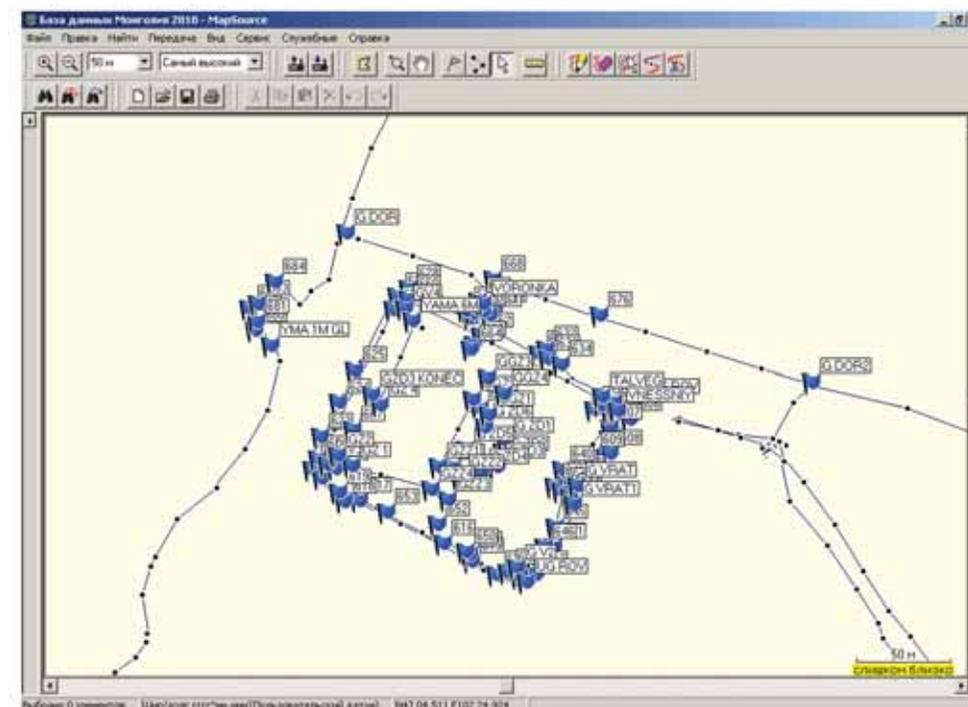

Рис. 2. Городище Гээг Бурдын дорволжин. Треки и точки в программе Map Source

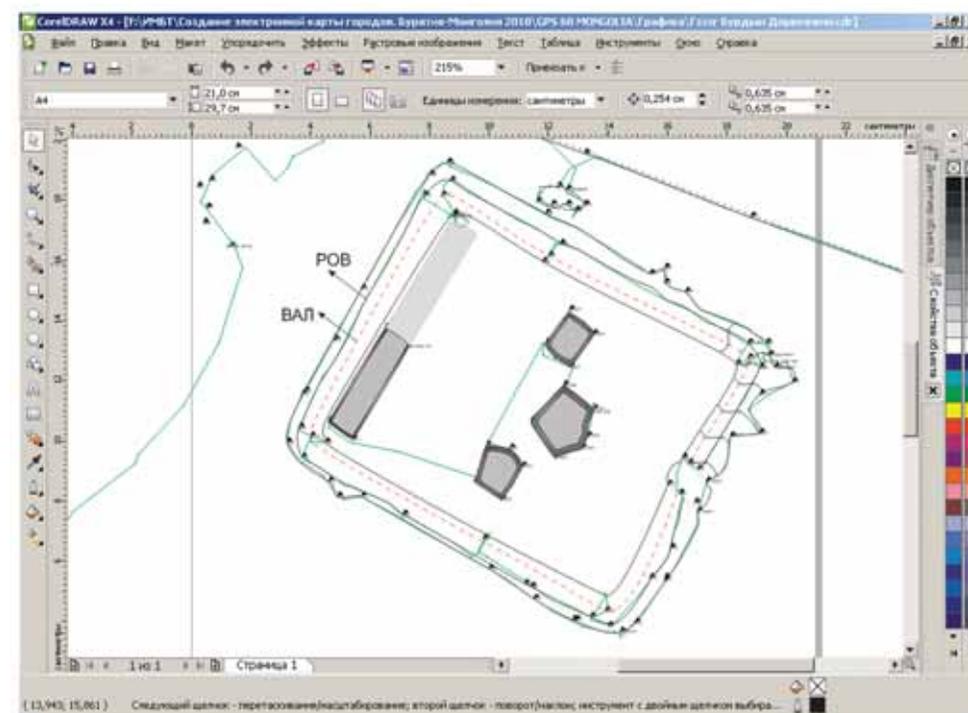

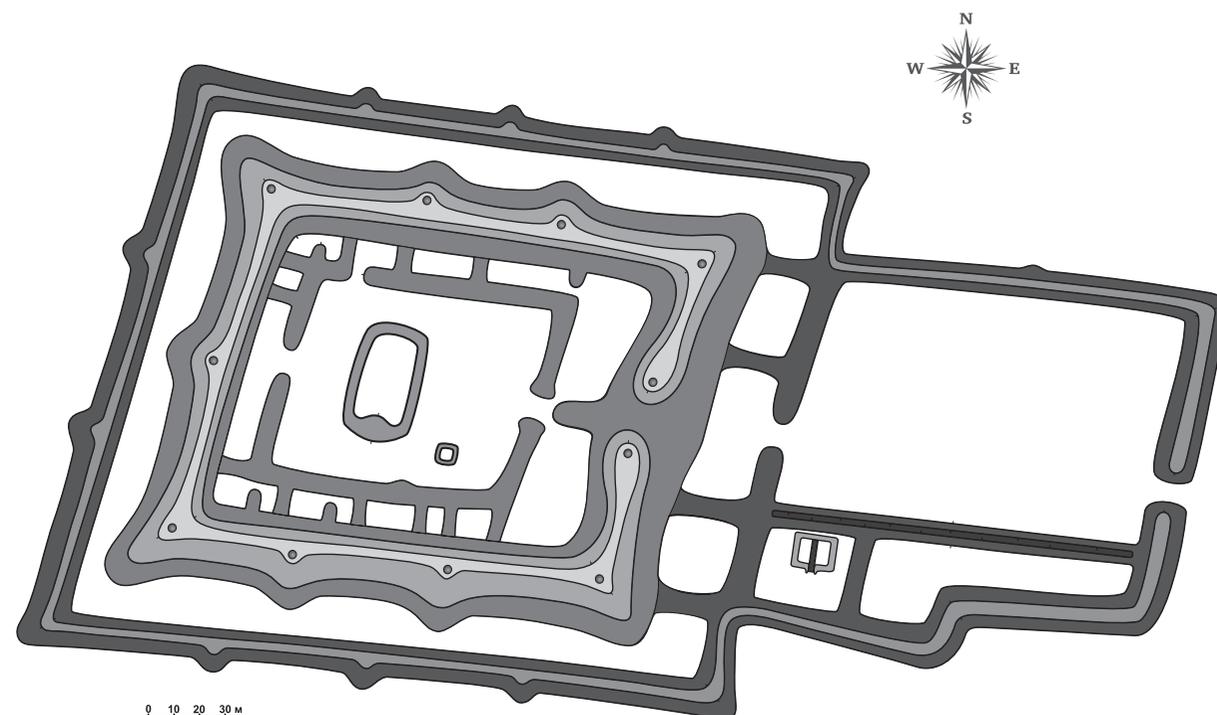
Рис. 3. Городище Гээг Бурдын дорволжин. Прорисовка импортированных точек в формате dxf в программе CorelDRAW X4

открытых и частично изученных городов и поселений древних кочевников зачастую не дают четкого представления о характере размещения памятника, его вписанности в ландшафт, привязанности к водным источникам, современным и древним тропам и дорогам. Необходимо всестороннее изучение археологических остатков древних городищ, поселений, зданий, открытых на территории Центральной Азии, а также целенаправленное выявление новых городищ и поселений, оставленных древними и средневековыми кочевниками.

В ходе работы экспедиции проводились полевые исследования на территории Республики Бурятия, Забайкальского края, Республики Тывы, а также на территории Монголии

Для пополнения эмпирического материала о городах кочевников, формирования унифицированной базы данных, выяснения точных географических координат всех известных памятников и создания на этой основе электронной постоянно пополняемой карты древних городов Монголии, Забайкалья, Тывы Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии со РАН и Институтом по изучению кочевых цивилизаций ЮНЕСКО в 2010 г. была создана международная экспедиция, целью которой являлись сбор и подготовка материалов для создания карты распространения древних и средневековых городов Центральной Азии. Такая карта с подробными описаниями всех выявленных древних городов и поселений будет способствовать лучшему пониманию расположения обследуемых объектов относительно различных географических объектов (горные системы, реки, степи, пустыни и т.д.), сочетанию с другими типами (могильники, петроглифы, святилища и т.д.) археологических памятников. В тоже время исследование остатков городской культуры кочевых обществ посредством археологических методов позволит выявить общие закономерности социального, экономического, культурного и политического развития сообществ, живших в евразийских степях, их взаимоотношения с населением аграрных цивилизаций Евразии.

В ходе работы экспедиции проводились полевые исследования на территории Республики Бурятия (пять административных районов: Иволгинский, Селенгинский, Джидинский, Кяхтинский, Мухоршибирский); Забайкальского края (Борзинский район); Республики Тывы (семь административных районов: Кызылский, Тандинский, Улуг-Хемский, Дзун-Хемчикский, Барун-Хемчикский,

"ЦАГААН СУМИЙН БАЛГАС". ГОРОДИЩЕ
Съемка плана памятника с использованием прибора
GPS и верификация работы выполнена в
М 1 : 1000 Симушкин А.И. в 2010 г.

Бай-Тайгинский, Овюрский районы). В Монголии исследования проводились на территории следующих аймаков: Убсунурского, Кобдоского, Завханского, Хубсугульского, Арахангайского, Убурхангайского, Булганского, Центрального, Хэнтэйского, Дорнодского, Сухэбаторского, Восточногобийского, Среднебийского, Южногобийского.¹

На всех памятниках проводились фотосъемка, видеофиксация, съемка глазомерных планов, описание. Осуществлялась фиксация объектов с помощью приборов глобального позиционирования в системе WGS-84. Эти работы проводились с использованием прибора *Garmin GPS62s*. В дальнейшем при компьютерной прорисовке данные *Garmin* сверялись с графическим планом, выполненным другой группой исследователей на миллиметровой бумаге и измерявшей объекты с помощью стометровой рулетки и лазерного дальномера. Выработанная методика была апробирована в 2010 г. и совершенствовалась в ходе работ экспедиции 2011–2012 гг. Также в процессе работ отработывалась методика описания памятников. Она состояла в следующей схеме: описание окружающего ландшафта с учетом геоморфологических особенностей, описание внешних укреплений (вал, ров, ворота, угловые башни, фронтальные башни, способ сооружения стен, остатки построек внутри городищ), описание подъемного материала.

Рис. 4. Монголия,
Архангайский аймак.
План городища Цагаан
сумийн балгас

¹ Следует заметить, что здесь указаны только те аймаки, в которых памятники были обнаружены, а если учитывать посещение аймаков, где памятники отсутствовали, то экспедиция побывала во всех аймаках Монголии, кроме Баянхонгорского, пройдя в общей сложности около 23 тысяч километров.

За три года работ (2010–2012 гг.) экспедицией были обследованы 89 городищ и поселений, в том числе: семь поселений и городищ на территории Республики Бурятия; три поселения и городища на территории Забайкальского края; 14 городищ на территории Тывы; 66 городищ и поселений в Монголии. В ходе обследования идентифицировались памятники хуннской, уйгурской, киданьской, монгольской эпох. Часть городищ и поселений была идентифицирована еще нашими предшественниками, которые использовали один из основных и самых надежных, на наш взгляд, методов: сопоставление предметного комплекса из городищ с материалами из датированных погребальных комплексов. Так была определена хуннская принадлежность Иволгинского городища (Г. П. Сосновский), уточнено уйгурское происхождение городища Хара Балгас (С. В. Киселев, Х. Пэрлээ) и киданьская принадлежность городища Чин Толгой (С. В. Киселев, Х. Пэрлээ), а также выявлена монгольская идентификация Каракорума (Н. М. Ядринцев, С. В. Киселев,

Х. Пэрлээ). Особенности планировки, фортификационных сооружений, подъемный материал, обнаруженный на этих памятниках, позволили выявить специфику их внешнего облика и впоследствии позволяли определять хронологическую принадлежность подобных памятников в других районах Центральной Азии.

В тоже время в ходе работ экспедиции были встречены городища, время существования которых определить было затруднительно. На этих памятниках отсутствовал подъемный материал, а конструктивные особенности (валы, задернованные платформы

или здания и т.д.) не давали возможности однозначного определения даты существования памятника. По всей видимости, наши предшественники также сталкивались с подобными затруднениями и иногда производили определение времени существования отдельных памятников в большей степени интуитивно. Зачастую и нам приходилось пользоваться этим принципом, так как времени и официального разрешения на закладку шурфов у нас не было. В связи с указанными обстоятельствами точное количество памятников различных хронологических этапов будет уточняться в процессе дальнейшей работы.

В ходе работ выяснилось, что в распространении памятников имелись некоторые локальные особенности. Так, на территории Бурятии встречались памятники хуннского и монгольского времени. Городищ уйгуров и киданей здесь не нашлось. В Тыве были встречены памятники уйгурского и монгольского времени. Некоторые из них предположительно можно отнести к маньчжурско-

му времени. Здесь не были найдены памятники хунну и киданей. На территории Забайкальского края имелись остатки поселений монгольского времени и остатки киданьских крепостей, протянувшиеся вдоль вала Чингис-хана. Памятников хунну и уйгуров здесь не обнаружено. На территории Монголии в целом также выявлялась неравномерность в распространении памятников по хронологическим признакам. Наиболее насыщены памятниками были бассейны рек Толы, Керулена, Онона, Орхона. Здесь встречались городища хунну, уйгуров, киданей, монголов. То есть, по данным

Рис. 5. Монголия,
Архангайский аймак.
Панорама Цагаан
сумийн балгас с северо-
западного угла

нашего обследования, Центральная Монголия становится местом сосредоточения всех известных науке памятников оседлости кочевых народов в эпоху древности и средневековья Центральной Азии. Хотя детальное обследование долин вышеперечисленных рек, бесспорно, выявит особенности распространения памятников и в этом районе.

В западной Монголии сравнительно мало выявленных памятников оседлости. Здесь встречаются остатки городов маньчжурского времени. В восточной Монголии встречаются памятники киданей и монголов. Зато здесь нет памятников уйгуров, а отдельные городища, относимые к хуннской эпохе, нуждаются в дополнительном изучении. В то же время здесь был выявлен ряд памятников, историко-культурную принадлежность которых без раскопок определить затруднительно. Это памятники Сумтийн турь, Довджо, Олон булаг довджо, Олон байшин, Башинтын дэрс и некоторые другие. По ряду признаков эти памятники можно отнести к более поздне-

му времени, возможно, к послеимперскому периоду истории Монголии. Однако окончательные выводы можно сделать только после обстоятельного археологического изучения.

Некоторые особенности в рассредоточении древних и средневековых городищ по территории Центральной Азии могут свидетельствовать о каких-то сложных социально-политических процессах, протекавших в кочевой среде. Отсутствие, например хуннских городищ в Тыве и западной Монголии при наличии хуннского

предметного комплекса и элементов хуннского погребального обряда может свидетельствовать о неполном освоении хунну этой территории. Однако дальше на севере, за Восточными Саянами, близ Абакана раскопаны остатки здания явно относящегося к эпохе хунну. Данное обстоятельство показывает недостаточность наших знаний и представлений о сложных исторических процессах, протекавших в регионе в древности.

Таким образом, обследования, проведенные экспедицией, показали, что для более глубокого осмысления феномена городов, существовавших в кочевых обществах, необходимо проведение комплексных исследований. Необходимо всестороннее рассмотрение историко-культурной ситуации в конкретных кочевых обществах, в которых проходили процессы формирования оседлых стационарных поселений, определение функциональной принадлежности городищ путем археологических раскопок для раскрытия обстоятельств перехода кочевых обществ к частичной оседлости,

выяснение социального состава и структуры конкретных кочевых обществ и установления, какая именно его часть принимала активное участие в процессах седентаризации.

Создание карты расположения памятников с пояснением географических и экологических обстановок, сопровождавших все памятники, условий окружающего ландшафта, условий для ведения хозяйственно-промышленной деятельности, привязанность к торгово-экономическим путям и т.д. сможет способствовать

Рис. 6. Монголия,
Панорама Цагаан
Сумийн Дурвэлжин

Рис. 7. Монголия,
Панорама Хэрмэн Дэнж

Рис. 8. Монголия,
Панорама Гэээг Бурдын
Дурвэлжин

лучшему пониманию процессов седентаризации кочевых обществ Центральной Азии в эпоху поздней древности и средневековья. Такая карта сможет прояснить, какие именно экономические, политические, социальные факторы способствовали процессам возникновения и жизнедеятельности стационарных пунктов оседлости.

Издание карты существенно уточнит наши представления по разнообразным аспектам исторической географии исследуемого региона, позволит более отчетливо представить взаимосвязь

поселений с природными обстановками, углубит и расширит наше понимание внутренней эволюции кочевого социума от кочевых стойбищ к укрепленным городищам и, в более широком смысле, к государственным образованиям, кочевым империям. Такая карта, наложенная на карты древних азиатских государств, даст возможность сопоставить общий ход исторических процессов в аграрных и кочевых обществах поздней древности и средневековья. ✨

Древние
и средневековые
города
Центральной
Азии

TARTARIA MAGNA

Studia Tartarica Mongolia Tibetica Manchurica Sibirica Russica et cetera

Уважаемый
ЧИТАТЕЛЬ!

Статьи этого номера начинают тематический цикл «Гуманитарная картография». Мы приглашаем авторов, чьи исследования связаны с проблемами воображения и изображения пространства и территории, исследователей, работающих на стыке гуманитарных наук и географии, к сотрудничеству с редакцией журнала *Tartaria Magna*.

ОЗНАКОМИТЬСЯ С НАШИМ
ЖУРНАЛОМ И ОСТАВИТЬ КОММЕНТАРИИ
ВЫ МОЖЕТЕ НА НАШЕМ САЙТЕ

WWW.TARTARIA-MAGNA.RU

TARTARIA MAGNA

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

1 / 2013

ГУМАНИТАРНАЯ КАРТОГРАФИЯ
A HUMAN MAPPING

ТЕМА ВЫПУСКА

КАРТЫ В ДЕЙСТВИИ. ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА
И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

THEME OF THE ISSUE

MAPS IN ACTION. IMAGES OF SPACE
AND GEOGRAPHIC REALITY

Выпускающий редактор
Н. В. ЦЫРЕМПИЛОВ
Технический редактор
П. К. ВАРНАВСКИЙ
Оформление номера
Д. О. ГАРМАЕВ

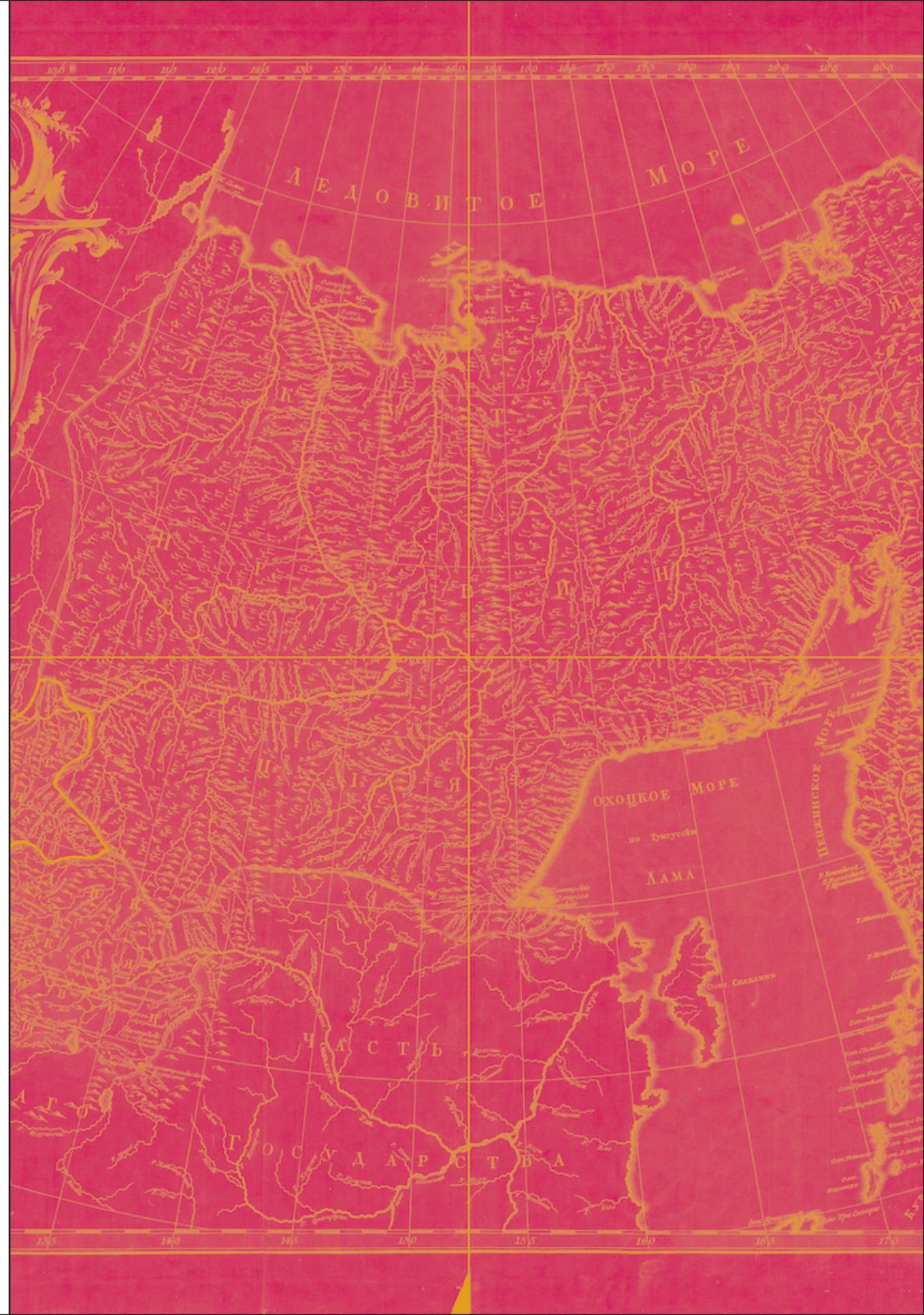
Адрес редакции:

670047 Российская Федерация
Республика Бурятия, Улан-Удэ
ул. Сахьяновой 6 / имбт со ран
+7 (3012) 57 33 93
tartarmagna@gmail.com

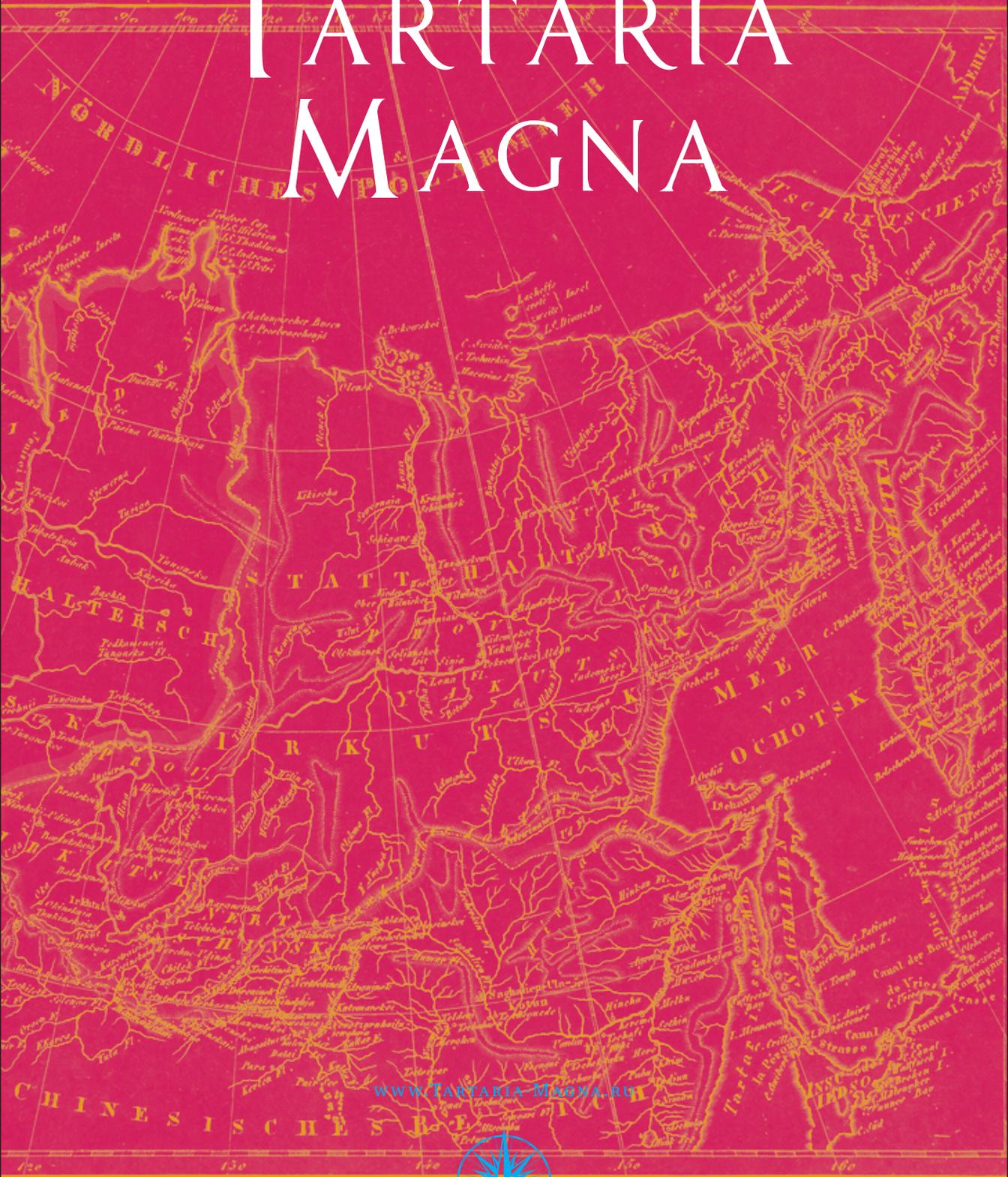
Подписано в печать 28.12.2013
Формат 60x90/16
Гарнитура Charter

Полная электронная версия
журнала доступна на сайте
WWW.TARTARIA-MAGNA.RU

ISSN 2224-9559

TARTARIA MAGNA

WWW.TARTARIA-MAGNA.RU

K 2-0
13